

К. № 8 Маврок. ш.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЗАХАРІЯ ВЕРНЕРЪ.

Геній миспическій и геній драматическій кажутся двумя противоположностями, исключаящими взаимно другъ друга. Драма есть не что иное, какъ дѣйствіе. Миспидизмъ разрушаетъ дѣйствіе. По силѣ его, вещественныя событія жизни спановяются символомъ — завѣсой, подъ коей сокрываются небесныя таинства. Драматическій поэтъ не имѣетъ нужды ни въ чемъ, кромѣ спрасей человѣскихъ, происшествій дѣйствительныхъ или вѣроятныхъ: миспидизмъ ихъ не терпитъ; онъ опровергаетъ и разрушаетъ вещественность; его престолъ посреди безплодныхъ духовъ, въ лонѣ того божественнаго и несовершеннаго свѣта, кошорый есть источникъ всякой жизни и всякой сущности. Земля, люди, на ней обитающіе, ихъ спраси, ихъ неисповѣста — вошъ матеріалы сцены. Ей

Телеск. Ч. II.

30

принадлежитъ міръ, *который существуетъ*. Миспицизму оспавляетъ она міръ, *который не существуетъ* или *который не доступенъ* еще для нашего вѣденія. Тонъ лирическій, свойственнѣйшій преимущественно симъ инстинктивнымъ воспареніямъ души къ вѣчности, коими питається миспицизмъ, есть существенно не драматическій; только посредствомъ искуснаго и удивительнаго сліянія двухъ противоположныхъ элементовъ, Греки умѣли соединить съ своею драмою, которая сама въ себѣ дышала столь могущественною занимательностію, лирическій энтузіазмъ хоровъ. Они совершили сіе чудо съ пѣмъ искусствомъ и съ такою совершенною гармонією, которыя соспавляютъ оплчительный ихъ характеръ. Хоръ, лирическое и религіозное эхо чувствованій дѣйствующихъ лицъ, выражалъ великіе нравственныя уроки, заключавшіеся въ дѣйствіи драмы: за бурными сраженіями спраспей, за дивными играми судьбы, кои выводились въ ней на зрѣлище, слѣдовало символическое изъясненіе, раскрывавшееся въ благочестивыхъ гимнахъ. Но хоръ не подавлялъ никогда истиннаго интереса драмы: его религіозное воспорженіе, оплчное по формамъ Эллинскаго Богопочтенія и обреченное на благоговѣйное служеніе красотъ природы вещественной, ограничивалось спрогими предѣла

ми и не проспиралось никогда до мистицизма, собственно такъ называемаго — до того мистицизма, который уничтожаетъ вещество и сокрушаетъ форму, дѣйствительность, организмъ, жизнь, намъ доведомую.

Нашимъ новѣйшимъ временамъ и народу наиболѣе метафизическому въ Европѣ — предѣсковано было произвести поэта, коего необузданный мистицизмъ покушался завладѣть безусловно сценою. *Захарія Вернеръ*, современникъ Гёте, Фихте и Жан-Поля Рихтера, отважился на сіе невозможное дѣло. Молніи генія прорѣзывались безпрестанно сквозь тучи его жизни, раздражавшіяся слѣдствіями неполными, неправильными, бессмысленными, но въ самой чудовищной своей нестройности, ознаменованными не рѣдко печальною гигантскаго величія, и попому принадлежащими къ любопытнѣйшимъ явленіямъ нашей эпохи. Борясь съ природою вещей, *Вернеръ* пытался превратить драму въ символъ; и, вѣрный сиcнемъ своей, какъ въ жизни, такъ и въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ, сдѣлалъ изъ существованія своего чудную комедію, въ коей мистицизмъ мыслей и неисповѣстность дѣйствій сочешавались, или лучше, сражались между собою страннымъ и необычайнымъ образомъ.

Это былъ поэтъ *Вернеръ*, который, бывъ

представленъ Госпожѣ Спаль, въ Коппетъ, выдвинулся важно, окутавши свои сухія и неровныя плечи синимъ плащемъ, среди копорого блиспаль красный кресптъ; и, оспановясь предъ сочинительницею *Коринны*, въ положеніи актера мелодрамы, произгесь, на скверномъ Французскомъ языкѣ, голосомъ буйвола, вздумавшаго ворковать горлицей, сіи спранныя слова : *«Matame! celui que sous foyez est professeur t'amour.»*

И эпотъ *Профессоръ Любви*, преслѣдуемый посмѣяніемъ, бѣдноспію, опивраченіемъ, внушаемымъ его нескладноспію, цинизмомъ и пороками, обязанъ былъ эпому чудовищному смѣшенію истиннаго генія и неисцѣлимаго безумія, славою не очень завидною, но весьма обширною. Если слава состоиптъ въ шомъ, чпобъ бытъ указываемымъ пальцами, по выраженію Горациа :

«Digito monstrari et diciet: hic est!»

шо *Вернеръ*, изъ всѣхъ людей своего вѣка, наслаждался славою наибширнѣйшею и наиболнѣйшею. Ни на кого не указывали такъ пальцами, какъ на него : по его спранноспіи, по неопрялноспіи, по вдохновенному виду, по нѣлпному одѣянію, по бѣсноватому выраженію физіономіи, по ухваткамъ, достоипнымъ шо *Діогена*, шо *Индійскаго Факира*, шо усердна-

го прихожанина Фламандской корчмы, его вездѣ узнавали легко и говорили: вотъ Вернеръ!

Присовокупите къ этой наружности, столь характеристической, его проповѣди, его обращенія, его истерическій фанатизмъ, его чудодѣйственный скептицизмъ, его скипанія по Европѣ! Былъ ли, въ послѣднія времена, чудакъ, который бы привлекалъ болѣе любопытства, насмѣшекъ и жадныхъ взоровъ зѣвающей толпы? Имя его гремѣло во всѣхъ журналахъ. Въ Вѣнскихъ, Берлинскихъ и Лейпцигскихъ шавернахъ юрпретъ Вернера и пародія его дурачески въѣхали праздность веселыхъ студентовъ. На паркетѣ мадригаловъ и эпиграммъ, куда эстетика и чай увлекающъ сполноко говоруновъ, богатыхъ фразами и скудныхъ мыслями, каждый непрерывно хвастался, что это чудище ему знакомо. Можно предполагать, что эти каррикатуры, составляемыя вѣтреннымъ празднословіемъ, не были слишкомъ сходны; легкомысленность и злорѣчіе имѣли въ нихъ большую долю. Но друзья Вернера — тѣ, которые могли изучать и углубляться въ его характеръ — находились гораздо въ большемъ затрудненіи на счетъ его, чѣмъ другой всякой: ненавидѣть его было невозможно; извинять трудно: все побуждало его презирать; но нѣсколько очаспливыхъ порывовъ, нѣсколько яркихъ пробле-

сковъ души, возвращали ему насильно любовь. Это развращеніе нравовъ, идей и генія, которое оппечашлвалось во всемъ его поведеніи, представляло оппврапипсльное зрѣлище. Но между пѣмъ искренность оппражалась въ его усиленныхъ спремленіяхъ къ чистотѣ, оппъ которой онъ, по спранному пропиворѣчію, оппдался ежедневно болѣе и болѣе. Видно было, какъ эта оспрая, пламенная, неугомонная голова, билась посреди мппезной борьбы идей, кипящихъ въ лонѣ Европы; какъ боролась она въ этомъ бурномъ океанѣ, волнуемомъ поликимъ множеспвомъ пропвивоположенныхъ сиспемъ: неспособная держаться одной, прямой и пвердой дороги; увлекаемая спремленіемъ къ идеальной красотѣ и алчностью чувспвеннаго сладоспраспсія; невольница безпредѣльнаго миспцизма и вмѣспъ самага пылкаго пемперамента; половина, пакъ сказать, скопа и Ангела; парящая въ облакахъ символовъ и пайнспвъ и вмѣспъ валяющаяся и гибнущая въ пинѣ спраспсей; вѣчный примѣръ испины сихъ прекрасныхъ и глубокихъ словъ Паскаля: «nous ne sommes ni anges ni brutes; et qui veut faire l'ange, fait la brute».

Весьма легко въ *Вернерѣ* признашь, съ опптънками, принадлежащими его эпохѣ и оппечеспву, оппже самое уклоненіе къ издишеспву, которое оппмичало Жан-Жака Руссо. Вся бѣ-

да краснорѣчиваго Женевскаго мечпашеля со-
спюяла въ томъ, что онъ весьма часно смѣ-
шивалъ наслажденія чувствъ съ наслаждені-
ми души и не соблюдалъ мѣры ни въ шѣхъ,
ни въ другихъ, на ечетъ истинной мудро-
сти. Опъ такоаго смѣшенія происходишь родъ
изспупленнаго сенсуализма, который не имѣ-
еть недоспапка ни въ поэзіи, ни въ величіи, ни
въ опасностяхъ. Человѣкъ, предавшійся ему,
обоготворяетъ природу и вещество: прекло-
няя колѣна предъ собственными своими вож-
делніями и спрасями, углубляясь въ свои
спраданія и муки съ чувствивпельностью и
удовольствіемъ, достойными сожалѣнія, пре-
вращая разумъ въ буйное изспупленіе и обма-
нывая самаа себя для удобнѣйшаа приведенія
въ систему своихъ наслажденій, онъ, безъ вѣ-
дома своего, доходишь до нѣкотораа рода
эгоизма, чувствивпеннаа и пламеннаа, мало
полезнаа людямъ, богащаа бѣдспивными
слѣдспвіями для самаа себя, неспособнаа къ
пвердому спрошивленію ударамъ судьбы, пре-
бующаа опъ свѣта и опъ жизни невозмож-
наа совершенства и перераждающаася не-
избѣжно въ мрачную, палящую, убійствен-
ную мизанпропію. Въ Руссо, какъ и въ *Вер-
неръ*, сверкають благородныя чувствования,
безъ всякаа вліянія на поступки; пламенная
попребность добродѣтели, безъ поспоянства.

енергій и благоразумія; спремипельные порывы къ истинѣ, безъ спокойствія, необходимаго для внушенія и уразумѣнія ея пайинспвенныхъ глаголовъ; горнило внупреннаго пламени, болѣе пожирающаго, чѣмъ освѣщающаго. Эпто храмъ, въ коемъ священный огонь, расперянный небережными руками, оставилъ однѣ только развалины; въ коемъ все сдѣмалось хаосомъ, опуспошеніемъ, гибелью. Чернь прохидипъ, смоприпъ на величеспвенныя руины и — едва посвящаепъ одну слезу эпимъ высокимъ способноспямъ, копорыя уничтожили сами себя и одѣмались предметомъ ужаса и сожалѣнія для міра.

Въ опношеніи къ искусспву, *Вернеръ* гораздо ниже Руссо. Онъ не понималъ самъ себя. Его неспройной оиспемъ недоспавало связи; его миспическій сенсуализмъ, великолѣпное воспроизведеніе квіеспизма Молиниспскаго и символовъ Тампліерскихъ, возбуждалъ омерзѣніе. Ничего полнаго не было въ эпой головѣ; да и какъ могло бытъ? Онъ пресмыкался по землѣ и парилъ во глубинѣ небесъ. Скепшикъ и еесософъ; дерзкій и слабый; съ воображеніемъ необузданнымъ и съ умомъ безсильнымъ; вдохновенный, но подобно Пивіи, упоенной до помѣшашепельспва парами своего пренѣжника — онъ пытался соединипъ,

въ чудовищномъ сочепаніи, то, что естъ на землѣ матеріальнѣйшаго, то, что спрасни имѣють сильнѣйшаго, и то, что находилъ ээирнѣйшаго въ обширныхъ пространствѣхъ безконечной поэзіи. Аскетъ и рабъ сладоспраснія, раздираемый варварскою неспройноспію спомъ разнообразнаго смѣшенія, онъ дозволялъ владѣть собою уму буйному, заносчивому, своеобычному, вмѣсто того, чтобы самому владѣть и упраздять имъ. Добросовѣстный, но въ сумасшеснвіи, онъ заслуживалъ сожалѣніе и снисхожденіе къ просподушной опкренности высипреннаго безумца, часно смѣшнаго, но всегда праводушнаго и числюсердечнаго.

Внутренняя жизнь *Вернера* могла бы быть предметомъ любопытнаго психологическаго изученія. Одинъ онъ могъ бы эпо сдѣлать; но, по недоспашку вниманія, сосредоточенности, глубокомыслія, никогда бы не окончили эпой работы, коей матеріалы находились у него одного во власти и распоряженіи. Эпа буйная голова никогда бы не собралась съ смѣлостью, досугомъ и силами, чтобы разсмопрѣть и разрѣшить саму себя. Что касается до его внѣшней и дѣлательной жизни, сопканной изъ заблужденій, дурачествъ и пропиворѣчій, она представляется наблюда-

шело не инымъ чѣмъ, какъ разнородною мас-сою, логогрифомъ безъ разгадки. а)

Фридрихъ-Людвигъ-Захарія Вернеръ родился въ Кенигсбергѣ, 18 Ноября 1768. Отецъ его былъ Профессоромъ Краснорѣчія и Философіи въ тамошнемъ Университетѣ: онъ исправлялъ еще должность Драмашическаго Цензора; это доставило сыну его случай посѣщать часто театръ, коего двери были всегда для него отворены, и развило въ немъ рано вкусъ къ сценическимъ представлѣніямъ. По крайней мѣрѣ трудно иначе изъяснить пристрастіе его къ искусству, отъ котораго собственнѣйшій его гений и способности души рѣшительно его отпадали.

Бѣдный Профессоръ и Цензоръ, котораго одно только шло опца *Вернера* завѣщаваеиъ воспоминанію попомсва, оставилъ міръ, спустя четырнадцать лѣтъ послѣ рожденія своего сына. Дитя осталось въ рукахъ матери, которая любила его нѣжно, но сей самой нѣжностью имѣла пагубное вліяніе на жизнь поэта. Женщина истерическая, глубоко убѣжденная въ небесномъ посольствѣ, возложенномъ судьбы на нее самимъ Бо-

а) *Гитцигъ*, другъ и собесѣдникъ *Вернера*, оставилъ начертаніе его жизни, которое бросаетъ много свѣта на это чудное явленіе.

гомъ, она считала себя новымъ воплощеніемъ Дѣвы Маріи и не сомнѣвалась, чѣмъбы *Захарія Вернеръ* не былъ Шилозъ, обѣщанный въ Священномъ Писаніи. Будучи подвержена припадкамъ нервическимъ, меланхоліи и ипохондріи, она сообщила дитяти, которое носила въ своихъ нѣдрахъ, сімсна тогоже неисчислимаго безумія. Ничто не имѣетъ столько вліянія на нашу жизнь, какъ сіи первыя впечатлѣнія, коими обыкновенно пренебрегаютъ. Въ самомъ нѣжнѣйшемъ возрастѣ, по прихотямъ маперей и кормилицъ, нарѣзываются первыя чершы нашего характера. Жан-Жакъ Руссо справедливо замѣтилъ, что наша нравственная жизнь начинается съ эпой непримѣчаемой эпохи. Подъ одною кровлею, но въ различныхъ эпизодахъ тогоже дома, жили два ребенка, изъ которыхъ одинъ осмью годами былъ старше другаго: *Вернеръ* и *Гюфманъ*: оба вскормленные и воспитанные двумя несчастными маперями, коихъ нервическое расстройство доводило до сумасшествия, они принесли въ свѣтъ неизгладимую печаль своего воспитанія. Ихъ понятія извратились очень рано; юный мозгъ ихъ былъ распроектъ; никакая привычка къ порядку и вниманію не обезпечивала ихъ на будущую жизнь. Нѣкоторый родъ фантасмическаго уношенія былъ привитъ къ нимъ въ колыбели; они всосали

его съ молокомъ ; и ни геній , ни успѣхи не могли излѣчить ихъ.

Юность разгульная, безпорядочная, разсѣянная, смѣнила это злосчастное дѣтство. *Вернеръ* назначилъ себя для юриспруденціи ; но его ученіе шло безъ всякаго порядка. Мѣняя ежегодно мѣста своего пребыванія ; увлекаясь шумомъ большихъ городовъ , въ коихъ жилъ ; перебѣгая поочередно то въ Берлинъ , то въ Варшаву, и вездѣ накопляя на себя кучу долговъ— въ тридцать три года, онъ успѣлъ прогнать опъ себя двѣ жены формальнымъ разводомъ и искалъ претпѣй. Его добрсе имя было поперно, здоровье распроеено , воспитаніе не докончано. Займодавцы преслѣдовали его ; и , еще не доспигши половины своей жизни, онъ уже пережилъ всѣ свои надежды и созерцалъ собственныя свои развалины.

Такое положеніе ужасно ! Оно было обще Руссо, Байрону, большей части знаменитыхъ мизантроповъ. Какой-то энтузіазмъ, тайный и неопредѣленный, одушевлялъ еще ихъ посреди угрызений и паденія. Распочивъ , въ разсѣяніи и порокахъ, самые блестящіе годы своего сущесггвованія , они бросають печальный взглядъ на судьбу свою и на минувшія заблужденія. Сей несокрушимой вещесггвенности, копорая возникаетъ предъ ними во всей ужасной наготѣ своей , прошивопоспав-

люютъ они неугасимое пламя души своей. Ихъ изступленіе разгорячается еще болѣе смутнымъ чувствомъ презрѣнія, которое они должны внушать: они бьются подъ тяжестью собственныхъ воспоминаній. Тысячи призраковъ химерическихъ добродѣтелей возникаютъ въ ихъ душѣ, жаждущей загладить слѣды слишкомъ очевидныхъ заблужденій. Проникновенные презрѣніемъ и отвращеніемъ къ своимъ дѣйствіямъ, они бросаются въ міръ воображаемый: тамъ ищутъ утѣшенія и прибѣжища. И—несчастливцы, не могущіе спастись отъ самихъ себя—они бываютъ обязаны своей грусти тѣмъ раскаленнымъ и свѣрхъестественнымъ колоритомъ, коимъ оцвѣпляются мечты ихъ: это зарево пожара; это слѣды боли наилютѣйшей! Свѣтъ, любуясь кровавымъ пламенемъ, коимъ облипы ихъ творенія, не знаетъ, чего спонилъ онъ творцамъ своимъ.

Когда *Вернеръ* удостовѣрился наконецъ, что обыкновенный порядокъ жизни не сотворенъ для него и что его практическое поведеніе будетъ всегда неуспроенно и злосчастно, онъ ринулся въ область метафизики и аскепизма. Здѣсь-то — въ сей безднѣ безпредѣльной и непроходимой — онъ заперся совсѣмъ, чтобы позабыть себя.

За нѣсколько миль отъ Варшавы, во глу-

бинѣ дремучаго бора, коего сѣдые коренья подмывающіеся Вислою, сокрывается монастырь Камадульскій, подчиненный правиламъ, не уступающимъ въ строгости суровой дисциплинѣ Ла-Траппскаго Ордена. *Вернеръ*, находившійся тогда на службѣ у Прусскаго Правительственнаго въ качествѣ Камеральнаго Секретаря (*Kammer-Secretaire*), упомленный чувственными наслажденіями, не оставляющими послѣ себя ничего, кромѣ угрызень и пустоты въ душѣ, имѣлъ обыкновеніе, во все лѣто 1800 года, ходить каждую субботу по вечерамъ въ Аббатство Бѣланы — такъ оно называлось. Одинъ другъ сопровождалъ его. Помолвившись въ монастырской церкви, они вмѣстѣ бродили по лѣсу: маленькій челнокъ возилъ ихъ по Вислѣ; палатка, ими самими раскинутая, служила имъ приютомъ. Въ сихъ-то уединенныхъ прогулкахъ, мистическое изнеуряженіе *Вернера* развивалось поспешенно. Порываемый всѣми вихрями противныхъ учений, онъ разбивалъ ихъ на досугъ съ своимъ другомъ, подъ кровомъ небесъ и сѣнію листвы. Онъ чувствовалъ, что ему оставалось одно эгоистическое наслажденіе и что по собственной его винѣ, будущность на землѣ опущена для него. Опущена—его новая спрашка къ спиритуализму, раскаленная всѣмъ огнемъ, всею пылкостью темперамента и фантазіи, коими снабдила

его природа. Неспособный къ построению какой-нибудь логической системы или къ произведенію изъ ней, шагъ за шагомъ, спротивныхъ выводовъ, онъ мѣшалъ и пупалъ, между собою, съ чудною тонкостью, прикрывавшею нѣсколько безразсудную нескладность его умствованій, всѣ теоріи скептицизма, пантеизма и спиритуализма: взгроможда проповорѣчія на проповорѣчія; будучи поэтомъ, тогда какъ видѣлъ въ себѣ философа; обогипворяя всѣсвѣтвенный міръ, въ то время какъ провозглашалъ себя теософомъ; заклиная духовъ и считая себя рационалистомъ; кружась въ шуманномъ вихрѣ невѣрныхъ положеній и яркихъ призраковъ. И ктобы могъ вообразить, чѣмобы слѣдствіемъ всѣхъ этихъ противорѣчій, плодомъ всѣхъ этихъ грезъ—была драма? Только *Вернеру* предоставлено было сплести въ одно общее кольцо всѣ спихи и всѣ крайности. То, что Іаковъ Бемъ и Шведенборгъ изложили мистическимъ языкомъ, *Вернеръ* преобразилъ въ трагедію. *Сыны Долнды* (die Söhne des Thals) — драма въ двухъ частяхъ, шести актахъ и двухъ шмахъ—были плодомъ сихъ собесѣдованій о мірѣ, о природѣ, о Богѣ, о душѣ, о символѣ, объ ангелахъ, о смерти, о безсмертіи. Въ послѣдствіи будетъ показано, какое невѣроятное драматическое чудовище оплилось въ этой необычайной лабораторіи.

Впрочемъ *Вернеръ* отвергъ бы съ презрѣніемъ мысль быть посвященнымъ на ряду съ драматическими поэтами. Его трагедія зародилась въ немъ среди скалъ и лѣсовъ; подобно Пинеагору, онъ изслѣдывалъ свои философскія мнѣнія, попирая бредучей стогой песокъ прибрежный. Онъ считалъ себя пророчивцемъ (*vates*), вѣщимъ пророкомъ, освященнымъ исполковашелемъ іероглифовъ природы. Поэтическій талантъ былъ для него только средствомъ откровенія великихъ таинствъ вѣры. Погруженный въ сію новую увѣренность, онъ почивалъ свои творенія свѣтоноснымъ лучемъ, долженствовавшимъ испортить людей изъ ихъ усыпленія. Предъ ихъ сіяніемъ пропеснянпизмъ долженъ былъ исчезнуть, католицизмъ уничтожиться: шлегель, Тикъ и Гёте должныствовали непременно сдѣлаться его адептами. Какъ новый посланникъ неба, *Вернеръ* замышлялъ пересоздать вселенную.

Но какой же былъ новый религіозный шпигъ, имъ возвѣщаемый? Послушаемъ самаго проповѣдника: его смутныя и таинственныя выраженія поражаютъ васъ какою то неопредѣленною мелодією, но не оплзуются для васъ никакимъ смысломъ. »Я оспавиль«—говоритъ *Вернеръ*—»мысль быть единымъ и

*тъмъ-то; я хочу быть нѣтъмъ, чтобы быть
остѣмъ !»*

Если, разсѣявши первое впечатлѣніе презрѣнія, возбуждаемое симъ іероглифическимъ нарѣчіемъ, коимъ такъ часто прикрывается отвратительное шарлатанство, попытаться приподнять покровъ его: то окажется, что основаніе ученія, проповѣдуемаго *Вернеромъ*, было совсѣмъ не ново. Онъ домогается разрушить недѣлимость человѣческую и поглотить свое личное единство, эгоистическое по необходимости, въ пучинѣ великаго *всегоцѣлаго*. Браминны, Плотинъ, большая часть Греческихъ Пантеистовъ, исповѣдывали ту же систему. Даже каполицизмъ напиранъ ею: и опсюда эти теоріи самоопроверженія, это опреченіе опъ міра, эта погрѣбность возвышались къ источнику бытія, дабы погрузиться и уничтожиться въ безпредѣльномъ океанѣ чистой любви. Фенелонъ и Квіеписты а) приближались къ сему началу. Стоики домогались также «поглотить свое я въ идею,» что есть — принудить эгоизмъ исчезнуть предъ всеобщимъ разумѣніемъ сгладить съ земли

а) См. *состязанія* Боссюета и Фенелона о чистой любви, разговоры *Лабрюера* и превосходное разсужденіе *Боссе* о сѣмъ опвлеченномъ вопросѣ, въ его *Жизни Архіепископа Калбрейскаго*.

Телеск. Ч. II.

34

человѣка какъ особенное недѣлимое существо, преобразить весь нашъ родъ въ идеальную массу, копорая бы единодушно возвергалась къ Божеству. По мнѣнію всѣхъ сихъ философовъ, польза и благополучіе совсѣмъ не нѣ предметны, коихъ должны мы желать и искать здѣсь. Мы должны любить Бога для Него Самого и уничтожать совершенно себя, чпобы любить Его. Наши мысли должны задушать сами себя; наши наслажденія должны быть преданы забвенію; наше привязанности должны быть распоргнуты; наши плѣмо, наша душа, наша воля, наши наклонности, самыя добродѣтели наши—ничто. Богъ естъ все.

Пусть преслѣдована будетъ до самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ эта система, разрушающая вещественнаго человѣка и приносящая бытіе его въ жертву Творцу: тогда самая добродѣтель сдѣлается преступленіемъ, если ея цѣлю и вождѣлѣнною наградою будетъ божественное мздовоздаяніе. Мы не должны будемъ полагаться даже на бессмертіе своей души: Всемогуцій можетъ сдѣлать изъ насъ все, что Ему угодно. Влеченія нашихъ чувствъ суть влеченія порочныя; любовь наша къ жизни естъ заблужденіе; привязываться къ существованію значить дорожить наслажденіями, копорыя оно предсавляетъ; а это—преступная личность;

это значить забывать Бога, не признавать великаго всеединого, которое сотворило насъ, презирать и оскорблять верховную самосущность, безъ которой мы ничто и въ нѣдрахъ коей становимся снова Богомъ.

Узы гражданской общественности разрушаются; всеобщее безстрастіе овладѣваетъ человѣчествомъ; міръ засыпаетъ въ блаженствѣ безпредѣльнаго созерцанія и благоговѣнія: вопль слѣдствія, въ кои упирается необходимо мистицизмъ *Вернера*. Таково ученіе, коего проповѣдниками хотѣлъ онъ сдѣлать Шлегеля и Тика: таково основаніе его великой драмы, и гимнъ, воспѣтый симъ первосвященникомъ новаго закона! Нельзя довольно надивиться эпой чудной, или лучше, чудовищной разнородности. Сколько слабости въ волѣ и сколько дерзости въ мысли; жизнь столько грубая и виды столько эфирныя; человѣкъ такъ глубоко неспособный ни къ какому обдуманному и основательному дѣйствию, такъ несвѣдущій въ людяхъ, такъ слѣпый и такъ легкомысленный въ своемъ поведеніи; эпохъ благовѣстникъ чистой вѣры, помышляющій объ обращеніи на путь истинны всего міра, и которому вы не доверилибъ попеченія объ одномъ деревенскомъ приходѣ: какая загадка, какое бытіе, какая проблема! И Брахманъ и Нефѣрный, и Тамплиеръ и Хри-

стіанинъ—все вмѣстѣ!... Смѣялся ли надъ симъ спраннымъ явленіємъ, или лучше, почпимъ слезами искреннаго состраданія сего злополучнаго мученика самой чудной организаціи, какая только существовала когда-либо?...

Въ упоеніи бродящихъ своихъ мыслей, *Вернеръ* становился собствѣннымъ своимъ игрищемъ: онъ не хотѣлъ обманывать свѣта, но думалъ, что его просвѣщаетъ; будучи безкорыстнымъ миссіонеромъ, онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ эпо преимущество предъ большею частію основателей пропагандъ. Его дурачества извинялись его добросовѣстностію и чиспосердчіемъ.

Вскоръ новое безразсудное дѣйствіе вписалось въ лѣтписи эпой плачевной жизни. Будучи вдовцемъ отъ двухъ живыхъ женъ, *Вернеръ* женился на претпсѣй, копорая была Полька рѣдкой красоны, но безъ всякаго соспоанія. Самъ онъ не зналъ ни слова попольски; она ничего не знала поѣмецки: между нѣмъ они поняли другъ друга; и нашъ спиритуалистъ, обремененный долгами, навязалъ еще себѣ на шею жену, коей все приданое сосполло въ однихъ прелеспяхъ. Едва заключилъ онъ эпопъ новый союзъ, какъ потерялъ свою мать. Въ жизни, прелспавляющей споль мало достойнаго похвалы, всема пріліпно

наипи хопл одинъ долгъ исполсннй, хопл одну привязанносшь дѣйствительную, глубокую, основательную, хопл одну преданность искреннюю и благородную. *Вернеръ*, при одрѣ своей злополучной мапери, искупилъ опчасни горести, коими усѣялъ печальные дни ея. Послѣдніа смерпныя бореніа скудоепті, безуміа, злополучія—были усаждѣны поэпомъ: свое время, свои пруды, свои мысли—все опдалъ онъ своей мапери: это сердце, изнуренное толикими заблужденіями—опозвалось и воспрянуло на зовъ долга. Богъ сотворилъ *Вернера* не для споль пагубнаго упошребленія своихъ способноспей: онъ былъ богатъ благородными склонноспиями; но это сокровище, вѣтренное организаціи споль неистовой, распочилось, какъ драгоценная влага, копорой не можепъ удержатъ сосудъ разбишый. Онъ развѣялъ по вѣпру благородное наслѣдіе души своей: и, спыдясъ своего внушрениаго запуспѣніа, обрѣлъ по крайней мѣрѣ ушѣшеніе въ искренней любви къ своей мапери. Къ ней спремились его мысли, къ ней порѣвался онъ воспоргомъ очищеннымъ. Посреди прудовъ, посреди мукъ, посреди угрызений, воспоминаніе мапери возывало для него минушы пишины и надежды. Онъ посвящилъ ей одну изъ лучшихъ своихъ трагедій: *Матъ Маккавеевъ* (die Mutter der Maccabäer);

и нѣтъ ничего прогашельнѣе, какъ это посвященіе возлюбленной пѣни: оно опъзывается глубокою скорбію. »О мапъ моя!« восклицаетъ онъ: »наслажденія любви, розы жизни—все погибло на твоемъ гробѣ!« Она умерла *двадцать четвертаго Феврала*. И это роковое число избралъ онъ въ заглавіе для произведенія самаго плачевнаго и самаго раздирающаго а). Во всѣхъ слѣдовавшихъ его твореніяхъ ошущительно неизгладимое впечатлѣніе, которое оспавило въ немъ сіе произшествіе. Мы предоспавимъ ему самому описать его въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гипцигу:

»Богъ поразилъ мнѣ сердце желѣзнымъ молотомъ. Мапъ моя умерла 24 Феврала, въ шопъ самый день, въ копорый Мніохъ, другъ мой, испустилъ послѣдній вздохъ. Когда я, послѣ сего спрашнаго удара, хотѣлъ пристунишь къ свяшой прапезѣ причащенія, какое неизъяснимое чувство болѣзненнаго соспраданія возбудила во мнѣ вся моя поэзія и мои *Сыны Долины*, въ коихъ я поставлялъ свою славу? Мапъ моя! Какая поэзія сравнилась съ энимъ могущеспвомъ души, которое дамо ей силу вынесшь семь лѣтъ мученическаго спраданія

-
- а) Произведеніе сіе переведено на Русскій языкъ однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ писателей и будетъ помѣщено въ *Телескопѣ*. Изд.

безъ малѣйшаго ропота! Какія муки сравняются съ тѣми, которыя я чувствовалъ! О какъ тяжело гнетущею мою душу преступленія моей молодости! Чего не далъ бы я, чтобы снова увидѣть мою мать и искупить мои заблужденія! Сердце мое, полное слезъ, тщетно ищетъ облегченія: мерзвые не воспаются, преступления не изглаждаются: прошедшее вѣчно и невознаградимо. Богъ и наша мать: вопъ что должно было занимать насъ прежде всего: оспальное презрѣнно и ничтожно! И это оспальное поглощало такъ долго все бытiе мое!»

Не смотря на сей поржеспвенный урокъ, поведение *Вернера* не перемѣнилось. Онъ ворошилъ въ Варшаву, гдѣ связался тѣснѣйшимъ образомъ съ Гофманомъ и Гипцигомъ, свидѣтелями его безпрестанныхъ справностей, въ коихъ Гофманъ однако не имѣлъ по крайней мѣрѣ права упрекать его. Столица Польши должна была понравиться мечпашельному воображенію *Вернера*, по чудной противоположности контрастовъ, въ ней заключающихся. Тамъ нищета и богатство толкутся другъ возлѣ друга: все ярко или отвращительно; либо смрадная рубица, либо ослѣпительная пышность: символъ слишкомъ почный спранныго и многосложнаго генія, который составляетъ теперь предметъ нашего изслѣдованія.

Представьте себѣ обширный городъ, сколько же пестряющій языкомъ, сколько обычаями и зданіями, самыми разнородными. Широкія улицы, великолѣпныя палатныя въ Италіанскомъ стилѣ, длинныя колоннады — и подлѣ нихъ хижины, подобныя вигвамамъ дикихъ; Азіатская пышность обѣ руку съ Ескимосскою неопытностью; ничего однороднаго, ничего спеленнаго, ничего довершеннаго; живописный маскарадъ, вѣчный вихорь; монахи всѣхъ цѣвствъ и всѣхъ орденовъ; монахини Капучинскія и Греческія; шолпы Израильяны съ длинными бородами и рой молодыхъ Полюкъ, блестящихъ всѣми прелестями красавицы и разцвѣченныхъ всѣми оплывками; старый суровый Сарматъ, копорого кафтанъ и сабля, желтые сапоги и кушакъ сушь живые памятники временъ минувшихъ, и молодые въпрогоны, передразнивающіе Парижскихъ фашіонаблей; Французы, Турки, Греки, Русскіе, Италіанцы; зрѣлища Польскія, Французскія, Италіанскія, Нѣмецкія; множествъ роскошныхъ театралныхъ шруппъ; вѣчный базаръ внутри города; балы и веселья во весь годъ; блестящіе экипажи, капающіеся по площадямъ, наполненнымъ нищими и бродягами, ворожеями и шарлатанами, лубочными театрами и ребячишками, заславляющими плясать обезьянъ: вопль вѣрный очеркъ эпической Сѣверной Венеціи! И въ такомъ городѣ—

сколько пищи для воображенія пылкаго, любящаго зрѣлища, спранныя, жаднаго до перемѣнныхъ сценъ и разнообразныхъ впечатлѣній! Сколько приманки для людей, коихъ увлекаетъ всякое минувшее впечатлѣнiе и ко-торые никогда не умѣютъ пропившись искушенiю соблазна! Такъвы именно были *Гофманъ* и *Вернеръ*. Посему они спарались про-длить свое пребыванiе въ Варшавѣ, сколько могли. Ихъ характеры пакъ были сходны между собою, что имъ мудрено было не сполк-нуться; но, посреди шумнаго и неутомннаго общеснва, они не имѣли времени возненави-дѣть другъ друга.

Иногда фантасмическiй Гофманъ любилъ подспруннть надъ землякомъ своимъ. Однажды, на примѣръ, находясь при чтенiи *Креста на Балтiйскомъ Морѣ* (*das Kreuz an der Ostsee*), извъ-спной драмы *Вернера*, онъ оспановилъ деклама-цiю поэта, съ перваго спиха, оспроумною выходкою, о копорой сохранилъ воспоминанiе самъ въ одномъ изъ своихъ спранныхъ произведе-нiй, извъспномъ подъ именемъ: *Scapion' s Bräder*.

Среди залы находился *Вернеръ*, сморщивъ лице, выпянувъ шею и исказивъ ротъ одною изъ пѣхъ улыбокъ, копорыя принадлежали ему одному: передъ нимъ споялъ маленькiй споликъ и на эпомъ маленькомъ споликѣ двѣ свѣчи. Во глубинѣ залы, наполненной лише-

рапорами Нѣмецкими и Польскими, сидѣль, съезжившись Гофманъ, съ своею кошечкою физиономіею и шуповскою осанкою. Опкрываепся чпшеніе. *Вернеръ* описываетъ мѣсто дѣйствія и начинаептъ воззваніемъ дикихъ Пруссовъ къ ихъ свирѣпому Богу:

Wangputtis! Wangputtis! Wangputtis!

Изумленные слушатели смотряпъ во всѣ глаза другъ на друга; *Вернеръ* повпоряептъ свое страшное заклинаніе. Вдругъ раздаептъ пронзительный голосъ Гофмана, подобно свиспку, изъ угла, въ которъй онъ забился: »другъ мой! любезный мой другъ! поэпъ! зиждишель! не ужели всѣ пяпъ дѣйствій пвоего пворенія написаны на эпомъ чершовскомъ языкѣ! Если пакъ, по заклиная шебя именемъ сапаны, которъй шебѣ дикповаль его, пощади насъ опъ пекспа и угоспи однимъ переводомъ! « Громкій хохопъ раздался повсюду въ слѣдствіе сего дружескаго возглашенія; и *Вернеръ* не смѣлъ продолжашъ далѣе.

Не смопря на такой варварской прологъ, въ *Крестъ на Балтійскомъ Морѣ* не лзя не признапъ высокаго паланша. *Вернеръ* избралъ эпоху дикую и опдаленную, лица полубаснословныя, характеры недюдимые и миспическіе, въ гармоніи съ его паланшомъ и образомъ мышленія. Грозный сумракъ носипся надъ сценою: эпо—христіанское образованіе въ борьбѣ съ дикимъ язычеспвомъ. Не лзя

видѣшь безъ изумленія и страха, какъ проспый деревянный креспъ возвышается исполски и покоряетъ себѣ вѣковыя скалы; какъ древніе боги дубравъ, горъ и долинъ пропивопоспаваютъ свою свирѣпую мощъ первымъ лучамъ, проливающимся отъ священнаго знаменія искупленія; и шипаническая упругость дикихъ ордъ опспушаетъ медленно, какъ бы пядь на пядь, предъ успѣхами новой вѣры. Чѣмъ болѣе мрачной поржеспвенности и величеспвеннаго миспицизма въ языкѣ поэта, тѣмъ живѣе доспигаетъ онъ своей цѣли; сквозь таинспвенную свѣтло-сптнь его мысли, различаетъ, не безъ ужаса, всѣ сіи колоссальныя облики: суровую ревность проповѣдниковъ и варварскій фанатизмъ пуземцевъ. Надъ симъ кровавымъ зрѣлищемъ возникаетъ, подобно опдаленному и полу-изглаженному сіянію свяспыхъ, надежда небесная и чистопопа христіанспва. Нѣкопорыя шворенія Кальдерона имѣютъ тѣже достоинспва, соединенныя съ выраженіемъ болѣе украшеннымъ, съ прелеспію ровнѣе выдержанною, съ краснорѣчіемъ убѣдительное проникающимъ. Но въ семъ швореніи *Вернера*—(чпо не слишкомъ обыкновенно у него)—есть и инпересъ и планъ и басня; почсму оно, по нашему мнѣнію, выше *Мартина Лютера* и многихъ другихъ драмъ тогоже поэта, предпочишае-

мыхъ прихотью публики или понкоспью крипиковъ.

Лютеръ или Освященіе Силы (die Weihe der Kraft) начатъ въ Варшавѣ и продолжаемъ былъ въ Берлинѣ, куда *Вернеръ* въ 1807 перенесъ свое пребываніе. Здѣсь открылось было для него поприще болѣе блистательное, но не болѣе счастливое. Миспичизмъ и франк-масонство пріобрѣли въ Германіи адептовъ между дипломатами и самыми знаменитыми государственнымъ людьми. Фон-Шрепштеръ, Государственный Министръ, пораженный сходствомъ идей Вернера съ собственными мечтами, взялъ его съ собою въ Секретари: спустя не долго послѣ сего производства, драма: *Лютеръ*, представленная на Берлинскомъ театрѣ, получила блистательный успѣхъ; для поэта эпо была эпоха торжества и благоденствія. Неспособный къ благоразумію и прозорливости, онъ дозволилъ себѣ ослѣпиться сугубымъ очарованіемъ новаго своего положенія, чію имѣло пагубнѣйшее вліяніе на его будущность.

Въ первый разъ еще, поэтъ увидѣлъ себя тогда въ обществѣ дѣльномъ, спеленномъ, ученномъ и остроумномъ. Эпо былъ уже не пошлъ рыцарскій карнавалъ, который перспрѣлъ предъ нимъ въ Варшавѣ. Каждый изъ нихъ, кои въ Берлинѣ шѣснились вокругъ *Вернера*, имѣлъ рѣшительное вліяніе на міръ дѣй-

спвишесльный или на мѣръ мысли. То—Іоаннъ Миллеръ, по—Фихте Метафизикъ. . . *Вернеръ* видѣлъ себя брошеннымъ въ кругъ, гдѣ умспвенныя силы владычеспвовали и препирались безпреспанно. Но пончайшія пружины, коими приводипся въ движеніе машина общеспвенной жизни, ускользали опъ бѣднаго *Вернера*. Чуждый пришлецъ въ госпиныхъ, къ коимъ плаанпъ отворилъ ему доступъ и опъ копорыхъ прежніе навыки должныбъ были опдалапъ его, онъ почерпнулъ въ нихъ шолько спраспъ къ роскоши; и его распупная жизнь сдѣлалась беспорядочнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ выбралъ себѣ друзей между разгульными собеспдниками, коихъ находилъ за театрадьными кулисами и за игорными сполами: дни его текли въ безпреспанномъ пированьѣ; онъ кинулъ свою жену и очутился мужемъ шпрыхъ вдовъ, оставленныхъ имъ поочередно. Винныя пары задушали его геній, не спасая опъ угрызений. »Жена моя невинна«—говорилъ онъ Гипцигу о молодой Полькѣ, копорая была предметомъ и жертвою его скоропспходящаго энпузіазма:—»никогда ~~бы не~~ была она счастлива со мной; я одинъ виноватъ, и, оставляя ее, я дѣлаю ей услугу! Богъ, даровавшій мнѣ силу для иныхъ вещей, опказалъ мнѣ въ своей благодани для другихъ. Я человекъ нечиспый, плопскій, чувспвенный, прихоп-

ливый, мечтательный, неутомонный. Ты меня знаешь! Мои спраши, мои мысли, мои прихоти, мои дурачества — влекутъ меня и уносятъ въ своемъ вихрь. Чпо за жизнь для моей жены? Чѣмъ она могла радоваться? Нѣтъ! я не сотворенъ для супружеской жизни!« Заключение весьма основательное!.. Германія, можетъ быть, есть единственная страна въ свѣтѣ, гдѣ законы, не дозволяя формально многоженства, даютъ потачку многоженству дѣйствительному, коего поразительный примѣръ представлень былъ эпимъ мужемъ прехъ женъ, смѣненныхъ за живо.

Воображеніе *Вернера* не зрѣло съ лѣтами; напрошивъ туманный миспидизмъ его разрастался безпрестанно и не зналъ никакой мѣры. Французскія войска наводнили Германію, овладѣли Берлиномъ, ниспровергли всѣ гражданскія власти и постановленія; и *Вернеръ*, безъ мѣста и безъ жены, брошень былъ вновь въ океанъ свѣта, гдѣ все счастье его состояло въ щомъ, чпобы блуждашь безъ кормида и кормчаго. Онъ началъ опять свои странствованія; и подобно Скипающемуся Жиду, извѣстному въ народныхъ Нѣмецкихъ преданіяхъ, не останавливался болѣе: всегда и вездѣ проповѣдуя и успио и письменно; часто упоенный небесною любовію и еще чаще другимъ менѣе чиснымъ упоеніемъ; обращая

однихъ, вразумляя другихъ; заслуживая отъ немногихъ удивленіе, отъ всѣхъ благомыслящихъ жалость и отъ большей части поруганіе.

Его видѣли въ Прагѣ, въ Вѣнѣ, въ Мюнхенѣ, въ Іенѣ. Въ Декабрѣ 1807, онъ предсавленъ былъ Гёте и видѣлъ поржесшвенный вѣздъ Наполеона — »два безсмертные пипа,« какъ говорилъ онъ самъ: »пипъ завоевапеля и пипъ поэта!« На вершинѣ Ригскихъ утесовъ, при восходѣ упренней зари, вспрѣпилъ онъ нынѣшняго Короля Баварскаго и былъ имъ предсавленъ Госпожѣ Спаль, »нанумнѣйшей женщины своего вѣка,« посѣпилъ Веймаръ и оппправился въ Ипалію.

Во время сего неутомоннаго скипанія, онъ сочинилъ *Двадцать Четвертое Февраля* (Zwanzigste Februar), *Аттилу* (Attila, König der Hunnen) а) и *Ванду* (Wanda, Königin der Sarmaten). Князь Далбергъ, Великій Герцогъ Франкфуртскій, назначилъ ему пансіонъ, копорый обезпечилъ его отъ нужды. Упомянутый миспическими и метафизическими розысками, сомнѣніями, умозрѣніями, теософією, пропешпанпизмомъ; распроивъ здоровье и чрезъ то поперявъ возможность продолжая свои прежнія распущспва—онъ видѣлъ

а) И эпю.произведепіе *Вернера* переведено на нашъ языкъ *А. Шишковымъ* 2 и войдетъ въ составъ *Избраннаго Нѣмецкаго Театра*, копорый печашается. Опрывки изъ него будутъ помѣщены въ *Телескопъ*. Изд.

предъ собою только одну неиспытанную еще спранность и рѣшился на нее. Сполица Хрістіанскаго міра, Римъ, представился его взорамъ, какъ вождельнное прибѣжище. Онъ плакалъ на гробахъ Святыхъ Апосподовъ Петра и Павла; молился на мраморахъ Вапиканскихъ. Величіе Каполическихъ обрядовъ поразило его воображеніе; благословеніе верховнаго Первосвященника его осянило; онъ обратился въ Каполическую вѣру, совершилъ благоговѣйное спранспованіе къ Лоретской Богоматери, принялъ священническое рукоположеніе опъ Князя Далберга и началъ свои проповѣдыванія. Любопытно было слышать эпго чуднаго проповѣдника; его поэтическое краснорѣчіе, обломки прежнихъ сиспемъ смѣшанные съ новыми вѣрованіями, уродливая наружность, спранное произношеніе, все созывало къ его кафедрѣ толпы слушателей, расподженныхъ болѣе издѣваться надъ его усиліями, чѣмъ приниматъ назиданіе опъ его поученій. Въна, Спирія, Каринція и Венеція оглашались его проповѣдями а). *Матъ Маккавеевъ* была послѣднимъ произведеніемъ

а) Въ 1816 по 1817, *Вернеръ* жилъ въ Подоліи, въ семействѣ Графа Холоневскаго, по вліянію коего наименованъ былъ почепнымъ каноникомъ въ Каменецъ-Подольскъ. С. 2.

его Музы: твореніе печальное, въ коемъ ошущипельно вдохновеніе мученика, смѣшанное съ какою-то исперическою и судорожною мечпашельностію, коея впечатлѣніе горько и бользненно.

Смерть поразила его 17 Января 1822 года, послѣ существованія, исполненнаго великихъ превращеній. Онъ былъ погребенъ честно въ Ерценсдорфъ. Простое надгробіе, начертанное надъ его могилою и сочиненное имъ самимъ, испрашиваетъ у пупника теплою молибвы о блдной душѣ того, кошорый, подобно Маріи Магдалинѣ, любилъ много и кошораго грѣхи также прощены быть могутъ. Маріацельскому монастырю завѣщалъ онъ свое перо, главное орудіе своихъ заблужденій.

Къ попомощву перейдемъ имя *Вернера*, какъ писателя: но кпо не изучилъ его бѣдственной жизни, поппъ неспособенъ будетъ судить объ немъ и съ сей почки зрѣнія. Его существованіе не слѣдовало никакому плану: таковы почно и его творенія; изъ превосходныхъ свойствъ его сердца не происпекло ни одного полезнаго дѣйствія; высокія способности его ума не умѣли ни сосредоточиться на одинъ пунктъ, ни очиститься доспойно, для содѣйствія къ произведенію великаго творенія. Сколько погубленныхъ матеріаловъ! Сколько раскиданныхъ элементовъ! Я не знаю, есть ли какой-нибудь родъ достоинства,

копорого бы примѣровъ не представляли его трагедіи : цвѣты роскошнаго воображенія , краснорѣчіе чувства , драматическія сцены , лирическія изліянія , чудныя картины ; даже иногда — особенно въ *Аттиль* — глубокая живопись пороковъ и заблужденій человѣческихъ. Но сему обилію разбросанныхъ красотъ не доспаетъ общаго союза. Здѣсь — въ *Сынахъ Долины* — не что иное , какъ продолжительная и упоминательная аллегорія , коей не возможно разгадавъ смысла ; тамъ — въ *Двадцать Четвертого Февраля* — ужасное приложеніе древняго фапализма къ семейственной жизни , къ пресупленіямъ и добродѣтелямъ бѣдняка и несчастливца ; *Аттила* и *Мать Макавеевъ* представляютъ неспройное смѣшеніе существъ человѣческихъ , боримыхъ спрастями , съ существами сверхъестественными , окруженными воздушнымъ лучезарнымъ сіяніемъ , историческихъ событій съ поэтическими видѣніями. Вездѣ паже спущанность , пошъ же безпорядокъ , пошъ же хаосъ.

Лучшія мѣста въ пвореніяхъ *Вернера* безъ сомнѣнія пѣ , изъ копорыхъ изгнанъ мистицизмъ : но онъ самъ уважалъ себя только въ семъ послѣднемъ опношеніи. Онъ считалъ себя драматическимъ Шведенборгомъ : и заносимый воображеніемъ своимъ въ міръ невещественный , не только пыпался представ-

ляпъ его на сценѣ, но домогался изъяснить его. Шекспиръ заставлялъ дѣйствовать и говорить Духовъ, Ангеловъ, Сильфъ: онъ давалъ имъ вещественную жизнь, вѣроподобное существованіе. *Вернеръ*, напропивъ, сообщалъ своимъ лицамъ всю эфирную неувещественность сновидѣній; его живыя существа кажутся призраками; его героямъ не доспаетъ того, что составляетъ силу, могущество, испину. Идеальное и фантастическое опсвѣчиваючися въ самыхъ положительныхъ его изображеніяхъ. Какъ будто безпрестанно давимый спѣнью, онъ по необходимости сообщилъ поэзіи своей понъ сомнамбулизма.

Вина лежитъ однако не на одномъ разспроенномъ воображеніи и развращенныхъ навыкахъ *Вернера*. Спрана, въ коей жилъ онъ, окружала его искусительными примѣрами и пагубными соблазнами. Онъ былъ чадо эпохи смутной — земли, гдѣ всѣ теоріи боролись между собою въ пустотѣ и неопредѣленности. Онъ не былъ слѣдствиемъ сихъ разнородныхъ враждебныхъ спихій, но былъ ихъ жертвою. Неспособный принять рѣшительное направленіе, усвоить себѣ опредѣленную систему, выбрать спепенный образъ жизни; игралище своихъ идей, рабъ необузданныхъ прихотей; развлекаемый безчисленными порывами; легкомысленный, не смотря

на всю глубину души своей — онъ имѣлъ, какъ писатель и какъ человѣкъ, существенный недоспашокъ въ великомъ началѣ великихъ дѣйствій — въ силѣ воли ! . .

изъ FOREIGN REVIEW.

VI.

НОЧНЫЕ ДУХИ.

Три Духа,
показываясь надъ скалою.

Время, духи! вылетайте :
Гаснеть алая заря.
Борь дремучій покидайте :
Долы, горы и моря.
Мчитесь легкою толпою
За серебряной луною ;
Прилегая на ручь и
Тихострунные , кажитесь ;
Иль по звѣздному пущи
Дружно въпрямь принеситесь.

Тихо: волны въ брегъ не бьютъ,
Звѣзды по небу плывутъ ;
Покидайте , покидайте ,
Духи ночи, вашъ приютъ !

отдаленный хоръ духовъ.

Тихо. . . волны въ брегъ не бьютъ. . .
Звѣзды по небу плывутъ. . .
Время , други ! вылетайте ,
Бросимъ дикій нашъ приютъ !

Топы Духовъ показываются надъ
скалою.

Рѣже сумракъ надъ землею ,
Слабо даль озарена;
Вопъ урочною пропою
Въ небо капнися луна.
Други ! рѣзвою толпою ,
Шумно, быспро, веселѣй,
Полетимъ на встрѣчу ей!

Вьются вокругъ луны ; къ нимъ
присоединяются еще Духи.

хоръ.

Крапокъ часъ волшебной ночи ,
Какъ злапыя смертныхъ сны:
Не надолго свѣтъ луны ,
Скоро гаснутъ неба очи!
Но доколь сей намешъ
Надъ безгранною вселенной,
Яркимъ златомъ испещренной,
Пышный свѣтъ на землю льешъ,
И доколь на лонѣ водъ
Упіра лучъ не опразится ,
Спанемъ въ воздухъ рѣзвиться !

Одинъ изъ Духовъ.

Дня спрахнувъ земную ношу ,
Чрезъ міры я полечу.
Въ небѣ пламень засвѣчу
И въ пуспыя бездны сброшу;
Въ видѣ бывой пелены,
Обовьюсь вокругъ луны,
Блескомъ звѣздъ свой взоръ напѣшу ;
Облака огнемъ разрѣжу,
И гремя, во слѣдъ въспрамъ
Прокачусь по облакамъ.

Улецаешь: за нимъ толпа Духовъ.

Второй Духъ:

Я въ молчаньи мирной ночи
 Пронесуся надъ землею ,
 Ослѣпляя смертныхъ очи
 Чародѣйственной мечтой.
 Тихо крыльями повѣю—
 И видныя сонку;
 Закошелоу злодѣю
 Гибель ада прореку.
 Спрахъ спѣснить ему дыханье,
 Ужась члены окушать :
 Глухи дикія спенанья,
 На челъ — печать спраданья—
 Выступили холодный потъ.
 Кучей жемчуга и злата
 Я скупанаго надѣю ;
 Въ золоченыя палаты
 Сибарита поселю;
 Чеснолюбцу надъ вселенной
 На мгновенье скипетръ дамъ ;
 Въ лканъ златую облеченный,
 Онъ узритъ къ своимъ спопамъ
 Въ спрахъ падше народы
 Съ горькой жерпвою свободы;
 Чпо желать—всего доспигъ:
 Мощенъ, славенъ — но на мигъ.
 Кпо же тяжкіе удары
 Въ биввъ съ рокомъ получилъ;
 Кпо любви всесильной чары
 Испыпалъ и пережилъ —
 Пусть въ часъ ночи безмятежной ,
 Ослѣпленъ мечпою нѣжной ,

Позабудеть горе онъ!
 Ей не исцѣлишь недуга!
 Но родные, но подруга —
 Несчастливцу сладкій сонъ!

Улепаетъ: за нимъ другая толпа
 Духовъ.

Третій Духъ.

Продлись, продлись, часъ ночи безмятежной!
 Рѣзвились, брашья! Мнѣ идти другимъ путемъ:
 Минувшаго въ покровы облеченный,
 Я сяду на ушесъ въковомъ —
 Считашь года дряхляющей вселенной,
 Зрѣшь вѣпхій міръ въ его величьи гробовомъ.
 Тамъ царства падшія, забвенные народы—
 Я манию изъ праха воззову!
 Ихъ сонмы дикіе заропщутъ, будшо воды..
 Заноситъ грудь земли—и смершнаго главу
 Оледенитъ непоспимый шрепетъ...
 А я—во мракъ времянь свой углубивши взоръ—
 Торжественно внимаю могильный стану ле-
 петъ...

То гласъ въковъ; то съ рокомъ разговоръ!
 Лечу. . . гроба свой алчный звѣзъ раскрыли...
 Забилась жизнь въ груди развалины; громъ
 Изъ нѣдръ земли рокошетъ—и кругомъ
 Вершеты дикіе завьли!..

Улепаетъ. За нимъ толпа Духовъ.
 Ночь. Небо усыяно звѣздами.
 Полная луна сіяетъ надъ скалою.

Н. Станкевичъ.

III.

МЩЕНИЕ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЛЬТОПИСЕЙ

СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

(окончаніе).

Б Р А К Ъ.

Джиневра, оставивъ отца своего, пошла просить Гжу Сервень принять ее подъ свое покровительство и дать ей убъжище до истечения срока, назначеннаго закономъ для бракосочетанія съ Луиджи Порпа; но здѣсь получила она первыя понятія о горестяхъ, коими окружены бывающъ въ свѣтѣ пѣ, кои не слѣдующъ его обычаямъ. Гжа Сервень была очень недовольна вредомъ, нанесеннымъ мужу ся приключеніемъ Джиневры, и пошому приняла ее очень холодно. Она вѣжливо и оспорожно дала ей почувствовать, чѣмъ она не надѣялась на ея помощь. Будучи слишкомъ горда, чѣмъ наслаивалась въ своей просьбѣ, Джиневра, удивленная эгоизмомъ, къ которому еще не привыкла, наняла комнату въ гостинницѣ, недалеко отъ того дома, гдѣ жилъ Луиджи, и съ нетерпѣніемъ дожидалась дня своей свадьбы.

Луиджи Порша проводилъ дни у ногъ своей невѣсты. Пламенная любовь и непорочность чувствъ его разгоняла тучи, копорыя родипельское проклятіе навѣвало на чело Джиневры. Онъ описывалъ ей будущность такими прелестными красками, что она наконецъ улыбалась; и почти непрерывное очарованіе заставляло ее мало по малу забываться о суровости родипелей.

Однажды поуспру служанка подала ей нѣсколько большихъ узловъ, принесенныхъ незнакомцемъ. Въ нихъ заключалось бѣлье, маперіи и множество вещей, необходимыхъ для молодой дѣвушки, вступающей въ супружесво. Она узнала въ этомъ прозорливую нѣжность маперіи. Разбирая сіи подарки, нашла она кошелекъ, содержащій принадлежащую ей сумму денегъ, къ копорой Баронесеа прибавила еще плоды собственнй своей бережливости. При деньгахъ было письмо, въ коемъ Марія Піомбо умоляла дочь оспавить, если еще не поздно, пагубное свое намѣреніе. Она писала, что только при величайшихъ предоспорожностяхъ могла доставить ей сіи слабыя пособія. Письмо заключалось просьбою не укорять ее въ жестокости, если она въ послѣдствіи оспавитъ ее безъ помощи; она боялась, что не будетъ болѣе имѣть средствъ оказывать ей вспомошествованіе: ибо Барцоломео принялъ пропить

того самыя спрогя мѣры. Наконецъ она благословляла ее, желала ей счастія въ супружествѣ и увѣряла, что только и думаетъ о милой дочери.

Въ этомъ мѣстѣ слезы изгладили нѣсколь-
ко словъ...

—О, мапушка, мапушка!.. вскричала въ
умилениі Джиневра.

Она чувствовала непреодолимое влеченіе броситься къ ногамъ матери, подышать еще бл-
годушнымъ воздухомъ подъ кровомъ родитель-
скимъ. Сердце ея уже совсѣмъ рѣшилось, какъ
вдругъ вошелъ Луиджи. Она посмотрѣла на не-
го: вся нѣжность ея исчезла, слезы обсохли на
глазахъ ея. Она не имѣла силъ оставить сво-
его Луиджи. Онъ былъ такъ несчастливъ,
онъ такъ любилъ ее! Она знала, что въ ней
одной заключается вся надежда благороднѣй-
шаго созданія; любилъ его и покинулъ—та-
кая жертва была бы измѣной. Джиневра вели-
кодушно скрыла горестъ свою во глубинѣ ду-
ши. Припомъ же любовь дѣлаетъ оба сердца,
въ коихъ господствуетъ, равнодушными ко
всему, что выходитъ изъ ея сферы, и даже
доводитъ ихъ до ожесточенія.

Наконецъ наступилъ день, назначенный для
вѣчнаго ихъ соединенія.

Джиневра была одна; ибо Луиджи воспользо-
вался временемъ, когда она начала одѣваться.

ся, чпобы сходишь за свидѣтелями, нужными для подписанія свадебнаго ихъ акта.

Свидѣтели сіи были честные люди. Одинъ былъ спарый Гусарскій Квартермистръ, коему Луиджи въ походахъ не разъ оказывалъ услуги, кои никогда не изглаживаются въ сердцѣ честнаго чловѣка. Онъ завелъ наемныя каресы и имѣлъ у себя нѣсколько фiakровъ. Другой былъ подрядчикъ каменныхъ работъ и хозяинъ того дома, гдѣ должны были жить новобрачные. Они вмѣстѣ съ Луиджи пришли за невѣстой. Люди сіи, мало привыкшіе къ свѣтскимъ приличіямъ, и не видя ничего необыкновеннаго въ услугѣ, оказываемой ими Людовику, одѣлись чисто, но безъ всякой пышности, такъ чпо ничпо не показывало, чпобъ они принадлежали къ веселому обществу брачнаго шоржества. Сама Джиневра одѣша была просто, какъ прилично было ея соспояннію; но въ красотѣ ея было шакое благородство, шакое величіе, чпо при видѣ ея слова замерли на устахъ обоихъ свидѣтелей, кои почли обязанностью сказать ей какое-нибудь привѣтствіе: они съ почтеніемъ поклонились ей; она отвѣчала однимъ наклоненіемъ головы. Они въ безмолвіи смошрѣли на нее и могли только ей удивляться; но эша принужденность поселила между ними какую-то холод-

носпѣ ; ибо веселіе можетъ существовать только между людьми , которые считаютъ себя равными. Судьба хотѣла , чтобъ все , окружающее новобрачныхъ , было мрачно и сурово , и чтобы ничто не отражало ихъ благополучія.

Такъ какъ церковь и домъ Мера были не въ дальнемъ разстояніи отъ гостиницы , то Луиджи взялъ подъ руку свою невѣсту ; и они , въ сопровожденіи обоихъ свидѣтелей , отправились шута пѣшкомъ , безъ всякой пышности , съ такою простотою , которая лишала сіе важное дѣйствіе семейственной жизни всей его торжественности. Они нашли на дворѣ Мера множество экипажей ; видно было , что шута собралось многочисленное общество. По лѣстницѣ вошли они въ большую залу , гдѣ новобрачные , коихъ счастье было оплощено до этого дня , нетерпѣливо ждали Мера.

Джиневра сѣла съ Луиджи на концѣ длинной скамьи. Свидѣтели стояли за недоспавшимъ спутелемъ.

Тутъ были двѣ невѣсты , одѣтыя въ великолѣпныя бѣлыя платья , украшенныя лентами , увѣнчанныя свѣжими померанцовыми букетами , коихъ распускающіяся вѣтки дрожали подъ прозрачными покрывалами. Матери сопровождали ихъ и смотрѣли на нихъ съ ви-

домъ удовольствія и нѣжной робости. Онѣ окружены были радостными своими семействами. Всѣ молодыя дѣвушки словами, движеніями или взглядами, наперерывъ поздравляли невѣсту, которыя вокругъ себя не видали ничего, чѣмъ не было утѣшено ими: ибо во всѣхъ глазахъ отражалось ихъ счастье. Казалось, что каждый посылаетъ имъ свои благословенія. Онѣ были радостью, утѣшеніемъ своихъ родителей. Опцы, свидѣтели, братья, сестры ходили взадъ и впередъ. Они походили на рой мотыльковъ, играющихъ въ лучахъ заходящаго солнца. Зрѣлище восхищительное! Всякой чувствовалъ цѣну этой быспрошечной минуты въ человѣческой жизни, когда сердце находится между двумя надеждами: желаніями прошедшаго и обѣщаніями будущаго.

При видѣ всеобщей радости, сердце Джиневры облилось кровію; но она пожала руку Луиджи — и Луиджи бросилъ на нее взглядъ, который стоилъ всѣхъ сокровищъ свѣта. Слеза блеснула въ глазахъ молодаго Корсиканца: ибо онъ тогда, болѣе нежели когда нибудь, почувствовалъ все, чѣмъ для него жертвуетъ Джиневра. Сія драгоценная слеза заставила ее забыть одиночество, въ которомъ она находилась. Любовь изливала на сію чешу драгоценный свѣтъ свой; и любовники, коихъ сердца, въ сладкомъ согласіи, бились силь

но, видѣли только себя въ этомъ шумномъ обществѣ. Они были одни, среди шумной толпы, такъ какъ надлежало имъ быть въ печеніе всей ихъ жизни. Свидѣтели ихъ, равнодушные къ обряду, коего важности они не понимали, спокойно говорили о своихъ дѣлахъ.

»Овесъ что-то очень вздорюжалъ!« сказалъ квартирмисиръ подрядчику.

—»Но все еще не такъ какъ гипсъ!«—опѣвчаль сей послѣдній.

Послѣ того они прошлися оба по залѣ.

—»Сколько здѣсь перелетѣло времени!..« вскричалъ подрядчикъ, положивъ опять въ карманъ полстые серебряные часы.

Луиджи и Джиневра, прижавшись другъ къ другу, казалось, составляли одно существо. Сіи два очаровательныя лица, соединенныя однимъ и тѣмъ же чувствомъ, равно задумчивыя и молчаливыя, выражающія въ одно время однѣ и тѣже мысли, составляли спротивуположность съ веселостью чепырежъ шумныхъ семействъ, кои блистали нарядами, алмазами, цвѣтами, и въ радости коихъ было нѣчто для нихъ оскорбительное. Джиневра и Луиджи хранили во глубинѣ своихъ сердецъ всю радость, которую сіи веселыя и блистательныя группы изъявляли наружными знаками. Съ одной стороны видна была шумная земная суетность, съ другой—без-

молвіе спокойныхъ наслажденій души... земля и небо! Но препенущая Джиневра не могла совершенно преодолѣть женской слабости; и будучи суевѣрна, какъ Ишаліанка, она взира-ла на эту проптивуположность, какъ на зло-вѣщее предназначеніе. Но она скрыла во глу-бинѣ сердца сіе чувство ужаса, споль же непреодолимое, какъ любовь ея. Да и дѣйст-вительно—не было ли это слѣдствіемъ непре-ложнаго закона человѣческой природы, по ко-торому всѣ наши наслажденія опуманиваются мрачными пѣнями? . . .

Вдругъ чиновникъ отворилъ обѣ половинки двери; настало молчаніе.

Онъ звалъ господина Луиджи Порпа и дѣвицу Джиневру ди Піомбо.

Эта минута была рѣшительная для обоихъ супруговъ. Извѣстность имени Піомбо привлек-ла всеобщее вниманіе; и зрители искали глазами свадьбы, копорая, по видимому должна была бытъ очень великолѣпна. Джиневра вспала и кинула на всѣхъ гордый и презрительный взглядъ. Держа за руку Луиджи, она пошла твердымъ шагомъ. За ней слѣдовали свидѣтели.

Шопотъ возрастающаго удивленія и всеоб-щій говоръ напомнили Джиневрѣ, что свѣтъ пребудетъ опъ ней опчета въ опсущствіи ея родителей. Проклятіе опца всюду за ней слѣдовало.

—»Дождитесь обоихъ семействъ« — сказалъ Меръ чиновнику , который съ скоростью читалъ свадебный актъ.

»Опецъ и мапъ пропеспуюптъ , « отвѣчалъ холодно секретарь.

—»Съ обѣихъ сторонъ«—возразилъ Меръ.

»Женихъ сирота.«

—»Гдѣ жъ свидѣтели... друзья?...«

»Здѣсь!« отвѣчалъ секретарь, показывая на двухъ свидѣтелей, которые стояли безмолвно и неподвижно съ сложенными на крестъ руками и походили болѣе на двѣ шпауны.

—»Но если родители пропеспуюптъ , « сказалъ Меръ.

»Надлежащія прѣбванія были сдѣланы по закону«—возразилъ секретарь и, вставъ съ своего мѣста , подалъ Меру бумаги , приложенныя при свадебномъ актѣ.

Въ этомъ судебномъ разговорѣ было чпо-по горько унизительное. Въ немъ содержалась въ немногихъ словахъ исторія цѣлой эпохи.

Ненависть фамилій Порпа и Піомбо , пагубныя спраспи ихъ—были разсмаприваемы и вписаны въ книгу гражданскихъ дѣлъ , подобно какъ на гробовомъ камнѣ въ нѣсколькихъ словахъ заключающся лѣтописи цѣлаго народа, иногда въ одномъ только словѣ: »Робертснерь... Наполеонъ!«

Джиневра дрожала, подобно голубкѣ, копорая, перелепая моря, кромѣ ковчега, нигдѣ не находила себѣ убѣжища; она могла укрывать взоръ свой только въ глазахъ Луиджи. Все вокругъ ея было холодно и мрачно. Меръ имѣлъ видъ спрогій и недовольный, секретарь смотрѣлъ на супруговъ съ недоброжелательнымъ любопытствомъ.

Ничто не походило такъ мало на брачное торжество. Эта сцена была то же, что все предметы въ жизни человеческой, когда они лишены своихъ принадлежностей—ничто... испина проспая сама по себѣ, но неизмѣримая для мысли.

Наконецъ послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, на которые супруги отвѣчали, послѣ нѣкоторыхъ словъ, которыя проворчали про себя Меръ, Луиджи и Джиневра подписали свои имена, и были соединены. Они со стыдомъ, подобно преслушникамъ, прошли, попутивъ головы, между двухъ рядовъ веселыхъ родственникововъ, къ которымъ они не принадлежали и которые уже негодовали на замедленіе, причиняемое имъ сей свадьбой, по наружности споль печальной.

Когда Джиневра увидѣла себя на дворѣ и подъ открытымъ небомъ, то вздохъ вырвался изъ груди ея. Она походила на освобожденную затворницу.

ТЕЛЕСК. Ч. II.

33

—О ! вся жизнь моя, жизнь, исполненная любви и попеченій, достапочно ли будетъ , чпобъ вознаградишь мою Джиневру за пвердоспъ и нѣжностъ ея !« —

Сіи слова, сопровождаемыя слезами, и участіе заспавили Джиневру позабышь всѣ свои мученія; ибо она жестоко мучилась бракосочетаніемъ, копорое ея родипели не соглашались . ушвердишь.

»Для чего люди безпрестанно полагають между нами преграды?« . . . сказала она съ проспопною чувспва, копорая очаровала бѣднаго Луиджи.

Счаспіе облегчило супруговъ; они не видали ни неба, ни земли, ни домовъ и, казалось, на крымьяхъ лепшли въ церковь.

Наконецъ они пришли въ небольшую пемную часовню и спарый, угрюмый священникъ предъ скуднымъ алпаремъ благословилъ бракъ ихъ.

Здѣсь, пакже какъ у Мера, были они окружены двумя свадьбами, копорыя преслѣдовали ихъ своимъ блескомъ. Въ церкви, наполненной друзьями и родспвенниками, раздавался шумъ экипажей, говоръ церковнослужипелей, швейцаровъ, священниковъ. Алшаръ блиспалъ всей церковной роскошью. Повсюду видны были цвѣтпы , куренія , горяція свѣчи , бархашныя шипыя золопомъ подушки ; даже вѣнки изъ

померанцовыхъ цвѣтовъ, украшавшіе изваяніе Богоматери, были возобновлены. Казалось, что самъ Всевышній участвуетъ въ радости этого дня.

Когда надобно было держать надъ головами Луиджи и Джиневры символъ вѣчнаго ихъ соединенія, покровъ изъ бѣлаго апласа, мягкій, блестящій, легкій для однихъ, свинцовый по большей части для другихъ; по священникъ искалъ глазами молодыхъ людей, которые всегда съ радостью исполняютъ этотъ долгъ, но щедры; ихъ надобно было замѣнить квартермиспромъ и однимъ изъ пѣвчихъ.

Священникъ наскоро прочелъ супругамъ наставленіе объ опасностяхъ жизни, объ обязанностяхъ ихъ въ разсужденіи дѣшей, при чемъ съ укоризной намекнулъ спороною объ опускшеніи родителей Джиневры, потомъ соединивъ ихъ предъ Богомъ, такъ какъ Меръ соединилъ ихъ предъ закономъ, поспѣшилъ окончить службу и удалился.

—»Богъ да благословитъ ихъ!«—сказалъ гусаръ своему поварищу, выходя изъ церкви. Никогда два творенія не были такъ созданы другъ для друга. Родители этой дѣвицы сумазброды. Я не знаю человека, который бы храбростью превосходилъ Маіора. Еслибъ всѣ послушали подобно ему, то кто знаетъ, чтобъ могло случиться...»

Благословеніе спараго солдаша, одно по́лько, которое получили они въ эпопѣй день, влило утѣшеніе въ сердце Джиневры.

»Прощай, поварищъ!« сказалъ Луиджи квартермиспру: »благодарю тебя.«

—»Все къ вашимъ услугамъ, господинъ Маіоръ, располагайте моею душой, мною самимъ, лошадьми и экипажами, все ваше. . .

Они разспались, пожавъ другъ другу руку; Луиджи дружественно поблагодарилъ своего хозяина.

»Какъ онъ любитъ тебя!..« сказала Джиневра.

Но Луиджи спѣшилъ уже въ домъ, гдѣ имъ надлежало жить, и они скоро достигли скромнаго своего жилища. Здѣсь лишь, когда дверь была снова заперта, Луиджи, взявъ жену свою въ объятія и крѣпко прижавъ къ сердцу, вскричалъ:

—»О! моя Джиневра—ибо ты шеперь моя—здѣсь настоящій праздникъ!.. «Здѣсь»—повпори́лъ онъ—»все будетъ намъ улыба́ться. . . «

Они вмѣстѣ обошли при комнапы, соспавлявшія все ихъ жилище. Первая комнапа служила въ одно время госпоиной и споловой. На право была спальня; на лѣво большой кабинетъ, копорой Луиджи опдѣлалъ для жены. Тушъ были спанки, ящички съ красками, бюсты, модели, чучелы, каршины, рамы, порп-

Фели — все скромное достояніе арписпа.

— »Здѣсь буду я занимаюсь!.. « сказала она съ дѣтскою радостью.

Она долго разсматривала обои, мебель и всякой разъ обращалась къ Луиджи и благодарила его веселой улыбкой. Въ этомъ шѣсномъ уединеніи была видна какая-то роскошь. Библіотека содержала любимыя книги Джиневры; во глубинѣ комнапы спояли форте-піано.

— »Такъ, мы здѣсь будемъ жить!.. « сказала она наконецъ.

Она сѣла на софу, подозвала Луиджи и, показавъ ему руку, сказала ласковымъ голосомъ:

»У меня хорошій вкусъ!.. «

— »О! какъ я счастливъ!.. «

»Но посмотри же все, « сказала Джиневра, опъ которой Луиджи до сихъ поръ скрывалъ украшенія, сдѣланныя имъ въ семъ уединеніи.

Они вошли въ брачную комнапу, свѣжую, блистательную, бѣлую, подобно дѣвѣ: прекрасный образъ собспвеннаго ихъ союза.

— »О! выйдемъ опсюда, выйдемъ!.. « сказалъ, смѣючись, Луиджи.

»Но я все хочу видѣть!.. «

И своенравная Джиневра разсматривала убранство комнапы съ любопытствомъ антикварія, разбирающаго надпись изпершой опъ времени медали. Она прогала шелковые занавѣсы.

вѣсы, смотрѣла на все съ просподушнымъ удовольствіемъ новобрачной, копорая пересматриваетъ всѣ богатства свадебнаго подарка. — »Мы начали пѣть, что разоряемся. . . « сказала она попомъ съ видомъ, часпю веселымъ, часпю печальнымъ.

— »Правда! здѣсь вся недоимка моего жалованья! «опвѣчалъ Луиджи. »Я продалъ ее Жиду.«

»Для чего? . . « возразила она съ укоризною, въ копорой замѣтно было шайное удовольствіе. »Думаешь ли ты, что я была бы менѣе счастлива подъ самою кровлею? . . «Но—прибавила она — »это все пакъ мило. . . и все наше! . . .«

Луиджи смотрѣлъ на нее съ такимъ восхищеніемъ, что она опустила глаза и сказала ему: »пойдемъ, посмотримъ оспальное!«

Надъ сими комнашами, подъ самою кровлею, былъ кабинетъ для Луиджи, кухня и людская. Джиневра была очень довольна небольшимъ своимъ владѣніемъ. Хотя видъ изъ комнашы былъ на широкую спѣну сосѣдственнаго дома и на темный, узкій дворъ; но сердца любовниковъ были исполнены шакой радости, надежда пакъ украшала для нихъ будущность, что они видѣли однѣ очаровательныя карпины въ сокровенномъ своемъ убѣжищѣ.

Скрытые во внутренности огромнаго дома, пошеранные въ неизмѣримомъ Парижѣ, они

были подобны двумъ жемчужинамъ, копорыи въ раковинахъ своихъ покояпся въ нѣдрахъ глубокихъ морей. Для другихъ жилище сіе было бы шюрмою, для нихъ сдѣлалось оно раемъ.

Первые дни ихъ союза были посвящены любви. Для нихъ казалось слишкомъ трудно вдругъ приняпся за постоянную работу и они не умѣли прошивипся очарованію собственной своей спраспи. Луиджи проводилъ цѣлые часы у ногъ своей Джиневры, любуясь цвѣшомъ волосъ ея, формою лба, плѣнипелнымъ выраженіемъ глазъ, чпшпопою, бѣлизною двухъ дугъ, подѣ копорыми они медленно двигались, выражая счастье удовлетворенной любви; между шѣмъ Джиневра играла волосами своего Луиджи, не могла наглядѣпся на то, что называла *beltà folgorante* своего мужа, ни на прекрасныя черпы лица его, и шѣмъ болѣе плѣнялась благородшвомъ его обращенія, что всегда привлекала его очаровательной своей ловкостыю. Они подобно дѣпямъ играли бездѣлками и эпш бездѣлки всегда возвращали ихъ къ ихъ спраспи; иногда прерывали они свои игры, впадая въ мечшашельность сладостнаго *far niente*. Тогда, арія, спѣшная Джиневрою, пробуждала вновь все упоеніе, все очаровательныя оппѣнки ихъ любви.

Часто оппправлялись они за городъ, соеди-

няя шаги свои, какъ уже соединили души, и повсюду находили любовь свою: въ цвѣсахъ, на небѣ, въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца; они чипали ее даже въ своенравныхъ облакахъ, сражавшихся въ воздухѣ. Наспоящій день никогда не походилъ на предыдущій; ибо любовь ихъ, будучи испишна, безпреспанно возраспала. Они испыпали другъ друга въ нѣсколько дней и узнали, что души ихъ за-ключаютъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства, копорыя обѣщаютъ имъ въ будущемъ всегда новыя наслажденія. Спраспъ ихъ была любовь во всей проспощъ своей, съ безконечными своими разговорами, недокончанными выраженіями, продолжисельнымъ молчаніемъ, воспочной нѣгой и упоеніемъ.

Луиджи и Джиневра успигли любовь въ совершенствѣ. Не подобна ли она морю, ко-шорое взоръ объемлетъ въ одно мгновеніе, кошорое души обыкновенныя укоряютъ въ однообразіи, но кошорому сущесства избран-ныя могутъ въ печеніе всей своей жизни удив-ляться, находя въ немъ безпреспанно новыя очаровашельныя явленія.

Не смотря на то, благоразуміе вывело на-конецъ молодыхъ супруговъ изъ сего упоенія. Они увидѣли, что имъ необходимо нужно ра-ботать, чтобы продлилъ свое сущесствование. Джиневра, кошорая съ особеннымъ искусствомъ

подражала старымъ карпинамъ, начала дѣлать съ нихъ копіи—и скоро приобрѣла довѣренность барышниковъ, торгующихъ карпинами (brosap-teurs). Луиджи, съ своей стороны, съ дѣятельностью искалъ работы; но молодому Офицеру, коего всѣ познанія ограничивались основательными свѣдѣніями въ спрашегіи, весьма прудно было найсти занятія въ Парижѣ. Наконецъ, однажды, упомленный тщетными усиліями, онъ уже предавался опчаянію, при мысли, что одна Джиневра несетъ всю тяжесть ихъ существованія, какъ вдругъ вздумалъ воспользоваться однимъ слабымъ дарованіемъ. У него былъ прекрасный почеркъ, и онъ писалъ также скоро, какъ и хорошо. Съ неупомимостью, въ коей Джиневра подавала ему примѣръ, онъ началъ просить себѣ работы у Парижскихъ спряпчихъ, ношаріусовъ и адвокатовъ. Опкровенность его, обращеніе, его положеніе возбудили къ нему всеобщее участіе. Ему сполько давали переписывать, что онъ скоро принужденъ былъ взять себѣ въ помощники нѣсколько молодыхъ людей. Мало по малу онъ завелъ родъ копторы для переписки, (bureau d'écritures), копорая приобрѣла нѣкопоруую извѣстность и опъ копорой доходъ и деньги, выручаемыя за продажу карпинъ Джиневры, наконецъ привели молодую чешу въ довольство, коимъ супруги горди-

лись : ибо сіе благосостояніе было плодомъ ихъ собственнѣхъ трудовъ.

Эпо время было прекраснѣйшимъ мгновеніемъ въ ихъ жизни. Дни текли быстро между занятіями и любовью. Вечеромъ , послѣ продолжительной работы, они сходились вмѣстѣ въ небольшой кельѣ Джиневры. Музыка улаждала ихъ досуги. Тогда никакое выраженіе задумчивости не омрачало черпы молодой супруги, и никогда не позволяла она себѣ ни одной жалобы. Она всегда умѣла являться своему Луиджи съ улыбкой на устахъ , съ глазами, блистающими радостью. Оба лелѣли одну господствующую мысль , которая и самыя пѣтлосныя труды превращала бы для нихъ въ наслажденіе. Джиневра говорила самой себѣ, что она работаетъ для Луиджи, Луиджи думалъ , что онъ прудился для Джиневры. Иногда Джиневра, въ опсущствіе своего мужа, мечпала о совершенномъ счастьи , которыми бы она могла наслаждаться , еслибы эпа жизнь , исполненная любви , текла въ присутствіи отца и матери ; и тогда она впадала въ глубокую задумчивость. Она чувствовала всю силу угрызений совѣсти. Мрачныя картины, подобно пѣнямъ , мелькали въ ея воображеніи : то образъ оставленнаго ею престарѣлаго отца, то видъ плачущей матери, скрывающей слезы свои опъ неумолима-

го Піомбо; ихъ важныя , съдовласыя головы , иногда внезапно представлялись взору ея : ей казалось , что ей опредѣлено взирашь на нихъ только при мечпашельномъ свѣтѣ воспоминанія. Эта мысль преслѣдовала ее , подобно предчувствію. Въ этотъ день , когда минулъ годъ ея замужеству , она подарила Луиджи порпребъ , котораго онъ давно желалъ имѣть — порпребъ Джиневры. Никогда изъ рукъ молодой художницы не выходило произведенія столь прекраснаго. Не говоря уже о разительномъ сходствѣ , блескъ красокъ , чистота ея чувствованій , счастье любви были выражены съ какимъ-то волшебствомъ.

Они провели еще другой годъ среди довольства. Исторія тогдашней жизни ихъ можетъ быть выражена тремя словами: *они были счастливы!* Въ теченіе сего времени не случилось съ ними ничего замѣчательнаго.

Въ началѣ зимы 1847 года покупщики картинъ совѣщались Джиневрѣ оспавить избранный ею родъ живописи ; ибо они болѣе не могли сбывать ея работы. Тогда только увидѣла она свою ошибку: еслибъ она упражнялась не въ копіяхъ , а въ составленіи оригинальныхъ картинъ , то могла бы приобрести извѣстность. Первые опыты ея были не весьма удачны , ибо ей нужны были образцы. Она также хотѣла снимать порпребы ,

но ей должно было состязаться съ толпою художниковъ, копорые были еще бѣднѣе ея. Однакожь, такъ какъ Луиджи и Джиневра накопили нѣсколько денегъ, то они не опічаявались еще въ будущности.

При наспуплениі весны, въ Апрѣль 1818 года, Луиджи работалъ почти безъ отдыха; но у него было сполько совмѣспниковъ и цѣны на письмо такъ упали, что онъ уже не могъ раздѣлять своей работы и долженъ былъ посвящать своимъ занятіямъ несравненно болѣе времени, нежели прежде, чтобы выручить такую же сумму.

Жена его окончила нѣсколько карпинъ, копорыя были не безъ достоинства; но поровцы не покупали даже произведеній извѣспныхъ художниковъ. Джиневра успупала ихъ за самую низкую цѣну, но не могла продать ихъ.

Соспояніе ихъ было ужасно. Души ихъ упопали въ благополучіи, любовь надѣляла ихъ всѣми своими сокровищами, а бѣдность подобно ошнову воздымалась среди сей жашвы наслажденій. Они другъ опъ друга скрывали свое безпокойство. Никогда Джиневра сполько не ласкала Луиджи, какъ когда слезы на верпывались на ея глазахъ при видѣ его спранданій; равнымъ образомъ и Луиджи во глубинѣ сердца шайлъ ужасную печаль, между шѣмъ,

какъ слова его выражали нѣжнѣйшую любовь. Казалось, что они находили удовольствіе за всѣ свои бѣдствія въ возвышенности своихъ чувствованій; и тогда ихъ слова, ихъ веселіе, ихъ игры носили на себѣ печать какого-то безумія. Они спрашивались будущности. Какое чувство можетъ сравниться съ силою спра-
спы, которая на другой же день можетъ угаснуть, убивая смертію или нищетою! Они всегда смѣючись говорили о своей бѣдно-
сти. Оба чувствовали необходимость обма-
нывать другъ друга и съ равной жадностью
ловили малѣйшій лучъ надежды.

Однажды ночью Джиневра нищетно искала
подлѣ себя Луиджи. Она испугавшись вспала
съ поспели. По слабому свѣту, который
отражался на мрачной стѣнѣ тѣснаго двора,
она догадалась, что Луиджи работаетъ ночью.
Онъ дожидался, чтобы жена его заснула; и
тогда уходилъ въ свой кабинетъ. Пробыло че-
тыре часа. Начинало свѣтать. Джиневра сно-
ва легла и припворилась спящею. Луиджи воз-
вратился. Сонъ и усталость опягощали гла-
за его. Она взглянула на это прекрасное лицо,
на которомъ слезы и заботы провели уже
нѣсколько морщинъ. Слезы навернулись на
глазахъ ея. — »Для меня,« сказала она, »прово-
дишь ты цѣлую ночь за работою. . .«

Опранная мысль осушила слезы ея. Она

рѣшилась послѣдовать примѣру Луиджи.

Въ понедѣль же день пошла она къ одному богатому купцу, который торговалъ эспампами; и посредствомъ рекомендаціоннаго къ нему письма, отъ одного барышника (*brosanteur*), ей удалось склонить его препоручить ей раскрашиваніе картинокъ. Днемъ она занималась живописью и хозяйствомъ, ночью раскрашивала эспампы. Такимъ образомъ сіи молодые супруги, пылавшіе взаимною страстью, для того только вступали на брачное ложе, чтобы тотчасъ же оставить его. Они оба припворялись спящими и изъ любви другъ къ другу расходились, какъ скоро одному удавалось обмануть другаго.

Въ одну ночь, Луиджи, упомянутый работою, подъ тяжестью которой начиналъ изнемогать, вспалъ и отворилъ слуховое окно своего кабинета. Онъ дышалъ свѣжимъ упреннымъ воздухомъ и, казалось, при видѣ свода небеснаго, забывалъ о своихъ спрдаціяхъ, какъ вдругъ, опустивъ глаза внизъ, увидѣлъ довольно яркій свѣтъ на спѣнѣ, которая была проптивъ оконъ комнаты Джиневры. Онъ все угадалъ: сошелъ внизъ тихими шагами и засталъ жену свою въ ея масперской: она раскрашивала картинки.

—»О! Джиневра! Джиневра!...« вскричалъ онъ.

Она съ судорожнымъ движеніемъ прыгнула со спуга и покраснѣла.

»Могла ли я спать?—сказала она—»видя, какъ ты изнуряешь себя работою?« . .

—»Но мнѣ одному принадлежишь это право.«

»Могу ли я оспаваться въ бездѣйствіи?—опвѣчала Джиневра и слезы навернулись на глазахъ ея—»когда я знаю, что всякой кусокъ хлѣба споить намъ капли пвоей крови. Я бы умерла, еслибъ не присоединила моихъ усилій къ твоимъ. . . Не должно ли все быть общимъ между нами, радости и горе. . . «

—»Какъ она озябла! вскричалъ въ опчальніи Луиджи. »Накинь шаль на грудь, моя Джиневра—ночь холодная, сырая. . . «

Они подошли къ окну. Джиневра была въ объятіяхъ Луиджи. Она опустила голову на грудь своего возлюбленнаго и оба, погруженные въ глубокое молчаніе, смопрѣли на небо, которое медленно освѣщалось. Быстро неслись сѣрыя облака и заря, занимавшаяся на востоцѣ, съ каждымъ мгновеніемъ спановилась ярче.

»Видишь ли,?—сказала Джиневра—»это предзнаменованіе! Мы будемъ счастливы.«

—»Да, на небесахъ! . . « опвѣчалъ Луиджи, съ горькою улыбкой.—»О! Джиневра! ты, которая доспойна была всѣхъ сокровищъ земли! . . «

»Твое сердце принадлежишь мнѣ! . . « сказала она съ выраженіемъ радости.

—»О! я не жалуясь,« возразилъ онъ, крѣпко прижавъ ее къ сердцу. Онъ покрывалъ ночью прекрасное лице ея, которое уже начинало переплывать блескъ молодости, но коего выраженіе было такъ нѣжно, такъ плѣнительно, что онъ не могъ взглянуть на него, не ощутивъ въ сердцѣ своемъ утѣшенія.

»Какое безмолвіе!« вскричала Джиневра. »Другъ мой, я чувствую какое-то удовольствіе, при мысли, что я не сплю: во мракъ ночи есть нѣчто величественное! какъ утѣшительно думать: все спитъ, а я бодрствую!..«

—»О! моя Джиневра! не въ первый разъ чувствую я всю нѣжность, всю красоту души твоей! но вотъ уже занялась заря, поди, успокойся.«

»Хорошо«—отвѣчала она—»если я буду не одна... О! какъ я спралада въ эту ночь, когда замѣшила, что мой Луиджи, не вмѣстѣ со мною, проводитъ ночи безъ сна.«

Твердость, съ кою Джиневра и Луиджи боролись съ несчастьемъ, была на нѣкоторое время вознаграждена; но обстоятельство, которое обыкновенно довершаетъ супружеское счастье, сдѣлалось для нихъ пагубнымъ.

Джиневра родила сына. Онъ былъ прекрасенъ, какъ Ангелъ, говоря общепринятымъ выраженіемъ.

Чувство материнской любви удвоило силы

Джиневры. Луиджи занялъ нѣсколько денегъ на издержки, причиненныя ея родами, такъ что въ первыя минушы она не чувствовала бѣдственнаго своего положенія.

Они оба мечпали о счастіи воспитывающаго сына; но это было уже послѣднее ихъ наслажденіе.

Сначала они мужественно сопротивлялись, подобно двумъ пловцамъ, которые соединяющъ свои усилія, чтобы плыть противъ теченія рѣки; но иногда предавались они какой-то безчувственности, которая походила на сонъ, предшесвующій смерти. Скоро они должны были продать всѣ свои дорогія вещи.

Вдругъ показалась бѣдность, еще не оприветливую, но одѣвою просно; голось ея не наводилъ еще никакого опраха. Она не влекла за собою ни опчаянія, ни лохмощевъ, ни привидѣній; но испребляла воспоминанія и привычки довольства. Она подмывала пружины гордости. Попомъ являлась со всѣми своими ужасами нищета, не стыдящаяся своего изорваннаго рубища и попирающая всѣ чувства человѣческаго. Но есть души благородныя, которыя никогда не колеблются при видѣ представляемыхъ ею картинъ.

Семь или восемь мѣсяцевъ послѣ рожденія маленькаго Паоло, съ трудомъ можно было
Телес. Ч. II.

узнать въ машери , кормящей грудью хилаго ребенка, подлинникъ прекраснаго портрета , который оспался единственнѣмъ украшеніемъ пусшой, обнаженной комнаты. Джиневръ въ самой серединѣ зимы не на что было купить дровъ. Нѣжныя округлости лица ея совершенно опали , щеки сдѣлались бѣлы, какъ фарфоръ, и глаза , казалось, поблѣднѣли. Она со слезами смотрѣла на похудѣвшаго , почти безжизненнаго своего ребенка и спрадала только за него.

Луиджи стоялъ въ безмолвіи и не имѣлъ духа улыбнуться своему сыну.

—»Я обѣгалъ весь Парижъ! . . .« сказалъ онъ глухимъ голосомъ : »но я въ немъ никого не знаю , а какъ осмѣлился просить у поспороннихъ. . . . Гарди, мой добрый Гарди, мой храбрый Кварпермиспръ замѣшанъ въ какой-то заговоръ и шеперь сидитъ въ тюрьмѣ. Припомъ же онъ опдалъ мнѣ все, чѣмъ могъ располагать! Чпо же касается до нашего хозяина . . . вопъ уже годъ , какъ онъ не пребуепъ съ насъ денегъ. . . .«

»Но намъ ничего не нужно . . .« отвѣчала съ кротоспью Джиневра , принявъ спокойный видъ.

—»Съ каждымъ днемъ,« сказалъ въ опчаяніи Луиджи, »увеличивается ужасъ нашего положенія . . .«

Голодъ былъ у ихъ порога.

Луиджи взялъ всѣ карпины Джиневры, ея поршпретъ, мебель, безъ копорой имъ можно было обойтись, и продалъ все за самую низкую цѣну. Деньги, вырученныя за сіи вещи, продлили на нѣкоторое время существованіе издыхающаго семейства.

Въ сіи дни злополучія Джиневра показала все величіе своего характера и безусловную покорность волѣ Провидѣнія. Она мужественно переносила свои спраданія.

Твердая душа ея боролась со всѣми бѣдствіями. Она работала ослабѣвшими руками возлѣ умирающаго своего сына, а занималась хозяйствомъ съ удивительною дѣятельностью и успѣвала вездѣ.

Она даже была счастлива, когда замѣчала на устахъ Луиджи улыбку удивленія при видѣ чистоты, копорая господствовала въ шѣсной комнатѣ, сославлявшей теперь все ихъ жилище.

— «Другъ мой—» сказала она ему однажды вечеромъ, когда онъ возвратился домой, изнемогая отъ усталости— «я тебѣ оставила опять кусокъ хлѣба.»

»А сама пы?»

— «Я обѣдала! Милый Луиджи, мнѣ ничего не нужно. Возьми! . . .»

И кропкимъ выраженіемъ лица болѣе чѣмъ словами , убѣждала она его принять пищу , въ которой себѣ отказала.

Луиджи поцѣловаль ее , но шо былъ поцѣлуй опчаянія , подобный поцѣлуямъ любовниковъ , въ 1793 году , въ ту мину , когда ихъ вели на эшафопъ.

Въ сіи рѣшипельныя мгновенія , два существа взаимно чипаюпъ въ сердцахъ своихъ . Такимъ образомъ несчастный Луиджи поняль , что жена его ничего еще не ѣла и внезапно почувспивоваль въ жилахъ своихъ лихорадку , ее пожиравшую .

Холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ его : онъ вышелъ , говоря , что имѣеть дѣло , не перпящее оплагательсва .

Онъ бы лучше согласился принять самый сильный ядъ , чѣмъ избѣгнувъ смерпи , упольвивъ голодъ свой послѣднимъ кускомъ хлѣба , который у него оспавался .

Онъ блуждалъ по Парижу , среди великолѣпныхъ экипажей , въ пѣдрахъ оскорбительной роскоши , которая являлась всюду .

Скорыми шагами прошель онъ мимо мѣняльных лавокъ , гдѣ блиспали груды золота . Наконецъ онъ рѣшился продать самого себя — записаться въ военную службу , въ надеждѣ , что эта жертва спасеть Джиневру и что

въ его опсущствіе она можетъ испросить прощеніе отъ Бартоломео.

Онъ пошелъ къ одному изъ производящихъ эпошъ шоръ людьми и почувствовалъ какую-то радость, увидя въ немъ одного стараго офицера Императорской Гвардіи.

— »Вопъ ужъ два дня, какъ я не ѣлъ!« сказалъ онъ ему слабымъ и пропавшимъ голосомъ. »Жена моя умираетъ съ голоду. Я не слыхалъ отъ ней ни одной жалобы. Она, я думаю, будетъ улыбаться въ самый часъ смерти. . . . « Умоляю тебя, поварица — прибавилъ онъ съ горькой улыбкой — »не откажись купить меня. Я крѣпкаго сложенія, не нахожусь болѣе въ службѣ и « . . .

Офицеръ далъ Луиджи денегъ въ счетъ суммы, копорую обѣщался ему заплатить.

Несчастный съ судорожнымъ движеніемъ засмѣлся, видя у себя въ рукахъ горсть золота. Онъ изъ всѣхъ силъ побѣжалъ домой, и задыхаясь отъ усталости, восклицалъ по временамъ: »О! моя Джиневра! Джиневра! «

Начинало смеркаться, когда онъ прибѣжалъ домой. Онъ вошелъ тихими шагами, чпобъ не причинить слишкомъ сильнаго волненія женѣ, копорую оставилъ въ большой слабости. Послѣдніе лучи солнца, проникая сквозь верхнія стекла оконъ, умирали на лицѣ Жи-

невры, копорая спала, сидя на спуль. Ребенокъ лежалъ на груди ея, она крѣпко прижимала его къ себѣ.

—»Проснись, моя Джиневра,« сказалъ онъ, не примѣчая положенія ребенка, опть копорого отражался въ эню минупу какой-шо не еспешвенный блескъ.

Бѣдная мапъ открыла глаза и, вспрыпивъ взоръ своего Луиджи, улыбнулась; но Луиджи съ ужасомъ опспунилъ назадъ: ибо Джиневра совершенно перемѣнилась и онъ едва могъ узнать ея. Онъ съ дикой выразительностью показалъ ей золотио, копорое было у него въ рукахъ. Джиневра машинально засмѣялась; но вдругъ закричала ужаснымъ голосомъ:

—»Людовикъ! Ребенокъ мой оледенѣлъ! . . .«

Она взглянула на сына и упала безъ чувствъ: ребенокъ былъ мерпвъ.

Луиджи взялъ на руки жену свою, опспавивъ при ней ребенка, копорого она прижимала къ сердцу съ непоспижимой силой, и положивъ ее на постель, выбѣжалъ, чшобъ позвать кого нибудъ на помощь.

—»Боже мой!« вскричалъ онъ свбему хозяину, копорого вспрыпилъ на лѣспницѣ: »у меня еспъ золотио, и сынъ мой умеръ съ голоду. Мапъ его умираетъ — я самъ едва дышу... Помогите намъ...«

Онъ въ мрачномъ опчаяніи возврапился къ Джиневрѣ; между тѣмъ какъ честный подрячикъ и нѣсколько сосѣдей собирали все, что могло облегчить нищету ихъ, о которой до той поры никто не зналъ; ибо супруги, по какому то чувству гордости тщательнo скрывали ее отъ всѣхъ. Луиджи бросилъ золото на полъ и споялъ на колѣняхъ, у изголовья постели, на которой лежала Джиневра.

—»Батюшка!« воскликнула она въ бреду своемъ: »не оставьте Луиджи и сына моего....«

»О! успокойся, мой ангелъ! «вскричалъ Луиджи, покрывая лице ея поцѣлуями: »прекрасные дни еще ожидаютъ насъ.«

Звукъ его голоса и ласки нѣсколько успокоили Джиневру.

—»О! мой Людовикъ!«—возразила она, посмотрѣвъ на него съ необыкновеннымъ вниманіемъ—»выслушай, что я скажу тебѣ. Я чувствую, что близокъ конецъ мой: но это очень естественно! Я перенесла слишкомъ много страданій: припомъ же — за блаженство, которымъ я наслаждалась, можно было заплатить одною только смертію!—Да, мой Луиджи, упокойся!—Я была такъ счастлива....что еслибъ снова начала жизнь свою, то не отказалась бы отъ нашей участи! Я жестокая мать: ибо о тебѣ жалю болѣе, чѣмъ о моемъ сынѣ«..

—»Сынъ мой!..« прибавила она глухимъ голосомъ. Двѣ слезы выкапились изъ умирающихъ глазъ ея и она снова начала прижимать къ груди своей холодный прунъ, который щепотно спаралась согрѣть.

—»Опдай волосы мои опцу моему, въ память его Джиневры—«продолжала она—»скажи ему, что я никогда не обвиняла его...«

Голова ея склонилась на грудь Луиджи.

»Нѣтъ! ты не можешь умереть!« вскричалъ онъ: »сей часъ придетъ докторъ...у насъ есть хлѣбъ!...Отецъ проспитъ тебя. Счастіе снова намъ улыбается. Оспанься, ангелъ благоспи!...«

Но ея сердце, исполненное вѣрности и любви, переспавало уже биться: Джиневра все еще обращала взоры на своего возлюбленнаго, но почти ничего уже не ощущала. Смутныя картины представлялись ея воображенію, которое начинало перьять всѣ воспоминанія о земномъ; однакожь она чувствовала, что Луиджи былъ подлѣ ней: ибо все съ большею силою жала охладѣвшую руку его. Казалось, что она хочетъ удержаться на краю пропасти, въ которую спрaшився низвергнуться.

—»Другъ мой!« сказала она наконецъ: »ты озябъ—я здѣсь согрѣю тебя...«

Она хопѣла положить руку Луиджи на свое сердце— и испустила духъ. Два Доктора,

Священникъ и сосѣди вошли въ эту минушу, неся все, что нужно было для спасенія несчастныхъ супруговъ.

Сначала слышанъ былъ большой шумъ; но когда всѣ вошли въ комнашу, то послѣдовало ужасное молчаніе. . .

НАКАЗАНИЕ.

Барполомео и жена его сидѣли въ своихъ спаринныхъ креслахъ; по сторонамъ большаго камина, коего пылающій косперъ едва согрѣвалъ огромную ихъ госпиную.

На часахъ пробило двѣнадцать.

Супруги давно уже потеряли сонъ.

Теперь они были молчаливы, подобно двумъ спарикамъ, копорые впадающъ въ младенчество, смопряпъ на все и ничего не видяпъ.

Пустая, но полная воспоминаній, госпиная, была слабо освѣщена лампою, копорая уже угасала; и одинъ шрескуцій огонь, разведенный въ каминѣ, разгонялъ нѣсколько мракъ, ихъ окружавшій.

Одинъ изъ знакомыхъ только что ихъ оставилъ. .

Спулъ, на копоромъ онъ сидѣлъ во время своего посѣщенія, споялъ между двухъ супруговъ.

Піомбо уже не одинъ разъ бросалъ мрачныя взоры на эпомъ спуль. Взоры сіи были исполковашелями его мыслей. Они слѣдовали одинъ за другимъ, подобно угрызеніямъ совѣсти.

На эпомъ пущомъ спуль прежде сиживала всегда Джиневра.

Марія Піомбо наблюдала выраженія, смѣнявшіяся на блѣдномъ челѣ Барполомео: но, не смопря на то, что она привыкла угадывать чувства Корсиканца по измѣненію его лица, черпы его были шеперь попеременно такъ грозны и такъ унылы, что она не могла болѣе чипать въ непоспижимой душѣ его.

Не изнемогальи Барполомео подъ бременемъ пѣгоспныхъ воспоминаній, пробудившихся въ немъ при видѣ сего спула?

Или не былъ ли онъ оскорбленъ шѣмъ, что со времени изгнанія Джиневры, въ первый разъ шолько сидѣлъ на немъ посшоронній?

Или не пробиль ли уже часъ милосердія — часъ, дошоль шоль щещпно ожидаемый?

Таковы были размышленія, волновашія одно за другимъ сердце Маріи Піомбо. Черпы лица Барполомео были нѣсколько мишущ такъ ужасны, что она зашрепешала и уже раскаявалась въ проспшй хипроспш, упошребленной ею для того, чтошбъ найши слушай заговориль о Джиневрѣ.

Въ эту минуту засвиспѣлъ холодный свѣрный вѣсперъ и клочья снѣга съ такою силою ударялись о спавни, что спарикамъ слышался легкій порошокъ. Мать Джиневры затрепетала и опустила голову, чтобы скрыть слезы свои отъ неумолимаго Піомбо.

Изъ груди спарика вырвался вдругъ тяжелый вздохъ. Жена взглянула на него . . . онъ былъ задумчивъ.

Тогда она осмѣлилась заговорить о своей дочери. Это случилось только во второй разъ, въ печеніе трехъ лѣтъ.

—»Джиневра, можешь быть, озябла« сказала она тихимъ голосомъ.

Піомбо содрогнулся.

—»Она, можешь быть, голодна ! . . .« продолжала она.

Слеза навернулась на глазахъ Корсиканца.

—»Я знаю—« сказала Марія съ выраженіемъ опчаянія—»что она родила и не можешь кормить своего ребенка: у ней пропало молоко.«

»Пусть она придетъ ! пусть придетъ !« вскричалъ Піомбо.

— »О милая дочь моя ! Ты побѣдила ! Джиневра ! « . . .

Марія привспала, какъ будто для того, чтобы идти за дочерью.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ распворилась и человекъ, въ лицѣ котораго не оспа-

валось признаковъ челоѣчеспва, стреми-
тельно бросился промежду ихъ.

— »Семейспва наши должны были испре-
бится . . . одно чрезъ другое! « вскричалъ
онъ. »Она умерла! умерла! . . . все. . . «

И бросивъ на споль длинную черную косу
Джиневры, онъ воскликнулъ :

— »Вопъ все, что опъ ней оспалось! « . . .

Спарики содрогнулись, какъ будпо пора-
женные ударомъ грома. Такъ какъ они болге
не видали предъ собою Луиджи, то все эшо
походило на ужасное, сверхъеспешенное
явленіе.

— »Онъ умеръ! . . . « сказалъ медленно Бар-
толомео, посмопрѣвъ на землю.

»И дочь наша также умерла! « — опвѣчала
машъ, вспавъ съ своего мѣспва съ судорож-
нымъ движеніемъ. Пошомъ она опспунила
шага при назадъ.

Піомбо споялъ неподвиженъ, не выровивъ
ни одной слезы.

— »Ничего! « сказалъ онъ глухимъ голосомъ,
смотря на косу Джиневры. — »Ничего болге!...
И одинъ! «

Съ Фр. Н. П — ъ.

IV.

РАЗСВѢТЬ.

Только лучъ первый дня ,
 Сумракъ ночи гоня ,
 Загорается—
 Подъ навѣсомъ вѣтвей,
 Треля пѣснь, соловей
 Просыпается.

Сквозь зеленый протопикъ ,
 Гдѣ раскинулъ пальникъ
 Вѣтви гибкія —
 Полусонный ручей
 Каплетъ съ шумомъ, быстрой
 Волны зыбкія.

Сладко вѣетъ весной
 Опъ сирени молодой,
 Разцвѣщающей ;
 Пчелка къ лепесткамъ лѣзетъ,
 Сокъ собирая на сотъ,
 Злапомъ тающей.

Не спиши, ранній день,
 Ночи гнать мрачну тѣнь
 Блескомъ радостнымъ!
 Не буди, соловей,
 Тайной думы моей
 Пьемъ сладостнымъ!

На рукѣ у меня,
Жарче лѣпняго дня,
Спишь красавица:
Щечки пышутъ въ огнѣ,
Она сладко во снѣ
Улыбаепся.

Русы кудри волной
Пали къ груди молодой,
Перебѣжныя.
Ты не лѣспишь ли, мечта!
Мое имя успа
Шепчуть нѣжныя.

Вопъ проснулась она:
Какъ взглянула она
Томно, сладосно!
День, зажгися ярчѣй!
Звонче пой, соловей!
Мнѣ такъ радосно!

Д. Озновищинъ

V.

СВОЙСТВО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАРАЗЪ ВООБЩЕ
И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ХОЛЕРЫ.

(окончаніе)

СВОЙСТВО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ ХОЛЕРЫ
(Cholera-Morbus).

Что есть холера? Эпидемическая болѣзнь, обнаруживающаяся (по наблюденіямъ врачей) головокруженіемъ, поскою и изверженіемъ слизисто-водянистаго вещества, посредствомъ рвоты и поноса. При семъ больные чувствуютъ сильную боль подъ ложечкою; пульсъ имѣютъ весьма слабый, почти неосознаемый; шло у нихъ хладѣетъ; въ рукахъ и ногахъ появляются корчи (а); глаза шускнутъ и вмѣстѣ съ вѣками, ограниченными синимъ и впалымъ кружкомъ, глубоко втягивающія въ глазную ямину; лице спадаетъ и также втягивается внутрь; носъ заостряется; языкъ бываетъ по большей части влажной, но холодной; голосъ необыкновенной-гробовой (*vox cholericæ*).

Всѣ сіи припадки ясно доказываютъ, что сущность холеры состоитъ въ спаданіи

(а) По присуществу корчей въ сей болѣзни, простой Русской народъ называетъ холеру *короткою* и *корчею*.

нервной, мышечной, кровеносной и пищеварительной системы. Но средопочіе болѣзни, по видимому, заключается въ нервной системѣ узловъ, раздѣляющихся въ системѣ пищеварительной и кровеносной; нервы же, происходящіе отъ головного и спиннаго мозга, и управляющіе, по волѣ души нашей, чувствами и мышцами, спрдаютъ въпоричнымъ образомъ, по сочувственной связи ихъ съ нервною системою узловъ.

Первоначальное спрдаіе нервной системы узловъ доказыаается: а) постепеннымъ развиіемъ холеры, начиная отъ корня жизни (орудій пищеварительныхъ) до плода (головнаго и спиннаго мозга; б) поперею аппетита за нѣсколько времени до появленія рвопы и поноса; с) отдѣленіемъ въ большомъ количествѣ сѣро-и-угле-водорода въ кишечномъ каналѣ, что доказыаается необыкновеннымъ урчаніемъ въ животи и частымъ изверженіемъ сихъ веществъ верхомъ и низомъ; d) недоспаіочнымъ, а во время рвопы и поноса, совершенно прекращеннымъ отдѣленіемъ желчи: это подтверждается тѣмъ, что цвѣтъ кожи у людей, расположенныхъ къ холерѣ, болѣе или менѣе измѣнялся, и получалъ, еще до появленія рвопы и поноса, желтовато-зеленый опіѣнокъ; 5) уменьшеннымъ отдѣленіемъ мочи; f) шоскою, ро-

боспью и уныніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди боязливые и робкіе, чаще подвергались холерѣ, нежели тѣ, которые съ мужесствомъ и твердостью переносили сіе народное несчастье ; g) рвою и поносомъ, иногда одною рвою, или однимъ поносомъ, безъ существующаго воспаленія, какъ въ желудкѣ, такъ и кишкахъ а); h) болью подъ ложечкою спазмодическаго качества ; i) измѣненною жизнедѣятельностію сердца, кровеносныхъ сосудовъ и самой крови.

Сердце и артеріи у больныхъ холерою находясь въ явномъ спазмодическомъ состояніи, и средоспремительная сила ихъ волоконъ имѣетъ оцупительный перевѣсъ надъ средобѣжною ихъ силою. Это доказывается: а) малымъ количествомъ крови, протекающей у холериковъ въ волосныхъ сосудахъ и другихъ мелкихъ вѣтвяхъ артеріозной системы, раздѣляющихся на поверхности тѣла, и скопленіемъ оной около

а) Московскіе врачи, вскрывавшіе трупы людей, умершихъ отъ холеры, часто находили признаки воспаленія въ желудкѣ или кишкахъ, у такихъ, которые умерли спустя при дня отъ появленія рвоты и поноса; напрошивъ того у тѣхъ, кои умерли въ первые два или при дня, считая со времени появленія рвоты и поноса, не только не было замѣчено воспаленія, но даже у многихъ желудокъ и кишки оказывались блѣднѣе обыкновеннаго.

Телеск. Ч. II.

35

ценнѣе кровообращенія и во внутреннихъ частяхъ тѣла ; в) сжатымъ и едва осязаемымъ пульсомъ ; с) охлажденіемъ тѣла ; которое начинается съ рукъ и ногъ и оканчивается въ груди ; d) холоднымъ попомъ , который ни мало не облегчаетъ болѣзни ; ибо означаетъ уменьшеніе животной теплоты ; и слѣдовательно зависить не отъ средобѣжнаго , а отъ средоспремипельнаго движенія крови ; e) синешюю тѣла , которая , какъ мнѣ кажется , болѣе происходитъ отъ весьма не-свободнаго прохожденія крови чрезъ обѣ полая вены , верхнюю и нижнюю , въ правый желудочекъ сердца , нежели отъ раскисленія ея ; такъ что кровь , останавливаясь въ большихъ спиволахъ венъ , останавливается и въ мѣлкихъ , лежащихъ подъ кожею , и такимъ образомъ служитъ причиною синяго цвѣта тѣла.

Измѣненное качество крови обнаруживается : а) излишнего густошюю и темношюю цвѣта ея ; это доказывается кровопусканіемъ : кровь , пущенная изъ вены больного холерою , бываетъ очень темна , густа , течетъ медленно , по каплямъ , и шючасъ ссѣдается въ густую массу ; в) разрѣшеніемъ ея на часшъ *волокистую* и *водянистую*. Первая остается въ сферѣ кровеносной сисшемы , мало по малу ссѣдается и образуетъ въ сер-

дечныхъ желудочкахъ и большихъ стволахъ артерій и венъ, полипообразные сросстки, которые, запирая главные пупки кровообращенія, служатъ, кажется, главною причиною смерти тѣхъ больныхъ, у которыхъ эта сгустившаяся и ссѣвшаяся масса крови, силою природы или искусства, не будетъ приведена въ жидкое и удободвижимое состояніе; вторая часть разрѣшенной крови, т. е., водянистое вещество (*serum sanguinis*) отпалкивается къ полюсу, противоположному центру кровообращенія. Большая часть сего вещества устремляется къ слизистой перепонкѣ, одѣвающей внутреннюю поверхность кишечнаго канала, и, по причинѣ существующаго уже въ ней раздраженія, отдѣляется въ полосѣ сего канала, изъ котораго потомъ извергается вонъ верхомъ и низомъ, или которыми - нибудь однимъ изъ сихъ двухъ путей.

Спраданія нервовъ, берушихъ свое начало отъ спиннаго и головнаго мозга, и спраданія мышцъ, отъ нихъ зависящихъ, суть уже вторичныя или сочувственныя явленія въ сей болѣзни: ибо онѣ—(разумѣя постепенное, а не быстрое развитіе холеры)—обнаруживаются тогда, когда появятся поноска, рвога, поносъ и проч. И такъ холерическій гололъ, корчи и спазмы мышцъ — суть важнѣйшіе нервные припадки въ сферѣ живоюной жизни.

Къ какому классу болѣзней принадлежитъ разсмаприваемая нами холера : къ прилипчивымъ или неприлипчивымъ ? къ пуземнымъ или наноснымъ ? Первый вопросъ пока оспасаеиъ Гордіевымъ узломъ, который предославляю рѣшивъ пѣмъ, которые имѣли много опытовъ и наблюдений; а на второй вопросъ рѣшителъно отвѣчаю, что первоначальная причина, производящая холеру, есть заносная, которая дѣйствіе весьма много зависѣло отъ спешенія нѣкоторыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условий.

Изъ числа внѣшнихъ условий, одни предшествовали, другіа сопровождали холерную эпидемію. Должно обратиъ вниманіе на оба сін рода условий ; ибо онѣ имѣютъ связь между собою.

Изъ внѣшнихъ условий, предшествовавшихъ холерѣ въ Москвѣ, я считаю доспойными замѣчанія слѣдующія :

1) *Сильные жары днемъ и холодныа ночи.* Въ самомъ дѣлѣ жары дневные въ Іюль и Августѣ мѣсяцахъ въ Москвѣ по Р. Т. доходили иногда до 36° , а ршупъ въ баромѣтрѣ всегда спояла выше 27 дюймовъ по Французскому размѣру : пакъ что изъ всѣхъ наблюдений, сдѣланныхъ въ Іюль, средняя температура въ 6 часовъ ушра была + 14, 9 ; въ 9 часовъ ушра + 18, 3 ; въ 2 ч. по полудни + 20, 3 ;

въ 9 ч. вечера + 14, 3. Но эти наблюденія относятся только до температуры въ тѣни. Напротивъ средняя температура на солнцѣ, по тому же термометру, была въ 9 ч. утра + 26, 8, а въ 2 ч. по полудни + 29, 2. Августъ мѣсяцъ, судя по предшествовавшимъ годамъ, былъ также весьма жарокъ. Начиная отъ 2 по 16 число, термометръ на солнцѣ въ 2 часа по полудни показывалъ или + 33° или + 35° или 36° теплоты; даже и въ послѣднихъ числахъ въ 2 ч. по полудни онъ показывалъ не менѣе + 24° и + 22°: такъ что изъ всѣхъ наблюдений, сдѣланныхъ въ Августъ мѣсяцъ 1830 года почтеннымъ Профессоромъ И. М. Университета Д. М. *Перезоуцковымъ*, средняя температура была въ 9 ч. утра + 24°, 0; а въ 2 ч. по полудни + 26°, 4. Надобно замѣнить, что въ Августъ мѣсяцъ, сильные дневные жары были сменяемы довольно прохладными ночами.

2) *Спокойное состояніе атмосферы.* Не смотря на то, что дни были жаркіе, а ночи прохладныя, въ атмосферѣ надъ Москвою царствовала тишина, не возмущаемая ни вѣтрами, ни вихрями, ни бурями, ни грозою, ни дождями.

3) *Равномерная напряженность электричества* на большомъ пространствѣ во всѣ стороны, и *перевѣсъ* онаго надъ магнетизмомъ.

проспѣе сказаць: перевѣсъ распротрани-
пелной силы надъ припятательной или
сжимательной силой. Это доказывается
жарами и пишиною, господспвовавшими въ
атмосферѣ, и вліаніемъ ихъ на органиче-
ское царство природы и на здоровье людей;
и также избыткомъ жизни и здоровья между
животными и людьми а) и недоспащкомъ
оныхъ между расптніями. Извѣстно, что хо-
лерная эпидемія предшесствуема была разви-
тіемъ безчисленнаго множества животныхъ
зародышей, появленіемъ червей (личинокъ,
larva) и настькомыхъ изъ рода мошкары, ко-
порыя лешали по улицамъ, садились на сады
и огороды, уже увядавшіе отъ жаровъ и засу-
хи, и съ жадноспію пожирали пруды рукъ
человѣческихъ, какъ бы предчувспвуя, что

а) Избытокъ жизнеспелности и здоровья между
людьми доказанъ весьма малымъ числомъ больныхъ
и умершихъ въ Августъ и Септябрь, предъ появ-
леніемъ холеры. Достойно замѣчанія также и то,
что во время холерной эпидеміи въ Москвѣ, въ нѣ-
которыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ ней за сто и
болѣе верстъ, жили деревень и городовъ наслажда-
лись лучшимъ противъ прежняго здоровьемъ и уни-
рающихъ между ими почти совсѣмъ не было; словомъ:
вліаніе холерной эпидеміи въ однихъ мѣстахъ сопро-
воджалось болѣзнію и смертію, а въ другихъ въ то
же время процвѣтали здоровье и жизнь.

воспитателямъ ихъ, они уже пищею служивъ не будутъ.

Такимъ образомъ возвышенная температура воздуха и равномерная напряженность электричества, усиливая съ одной стороны жизнедеятельность животныхъ, а съ другой уменьшая оную въ растѣнїяхъ, по причинѣ недостатка въ водѣ, какъ веществъ необходимомъ для ихъ питанія, произвели то, что листья растѣній, будучи сухи, вялы и пожираемы насекомыми: а) не могли при солнечномъ сіяніи отдѣлять въ такомъ количествѣ кислорода, каковое необходимо для благорасщепленія воздуха; б) органическія вещества, находящіеся въ почвахъ, изобилующихъ черноземомъ, и гниющія въ нужныхъ мѣстахъ, на кладбищахъ и скопобойняхъ, въ мясныхъ и рыбныхъ лавкахъ, въ рѣкахъ, озерахъ, большихъ канавахъ, на фабрикахъ: кожевенныхъ, салныхъ, мыловаренныхъ и проч., по причинѣ сосредоточія условій, нужныхъ для гнилаго броженія, подвержены были повсемѣстному и быстрой разрушенію. Отъ сего произошло, что Московская атмосфера, предъ холерою, служила магазиномъ удушливыхъ испареній, копорья, скопляясь въ ней, не имѣли другаго движенія, кромѣ восходящаго (днемъ отъ жаровъ) и нисходящаго (ночью отъ холода); ибо въ сей атмосферѣ, какъ выше было ска-

зано, царствовала тишина, не возмущаемая ни вѣтрами — (разумѣя, значительными) — ни вихрями, ни бурей, ни грозою, ни сильными дождями, какъ средствами, копорыя природа употребляетъ для перемѣшанія верхнихъ слоевъ воздуха съ нижними, для разсѣянія по воздушному океану удушливыхъ испареній, и для приведенія электричества въ равновѣсіе съ магнетизмомъ.

Весьма вѣроятно, что дневные жары, смѣняемые ночнымъ холодомъ, и удушливыя испаренія, по восходившія въ верхніе слои воздуха, по къ низу осаждавшіеся, служили однимъ изъ важнѣйшихъ условій, расположившихъ Московскихъ жителей къ принятію холерной эпидеміи и содѣйствовавшихъ распространенію оной по многолюднымъ, тѣснымъ и сырымъ домамъ, построеннымъ на почвѣ насыпной, также сырой и холодной; словомъ: по всемъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ магнетизмъ, какъ представитель средостремительной или сжимающей силы, бралъ перевѣсъ надъ теплотою и электричествомъ, какъ представителями средобѣжной или расширительной силы природы, бывшими предъ холерною эпидеміею, въ сильномъ напряженіи.

Изъ числа условій, сопровождавшихъ холерную эпидемію, слѣдующія внѣшнія условія оказались содѣйствующими развитію холеры.

а) *Ночлеги* на открытомъ воздухѣ, и особенно, близъ воды, на пр. на баркахъ.

б) *Жилища* въ нижнихъ этажахъ, и вообще въ домахъ, построенныхъ на почвахъ низменныхъ и сырыхъ, коихъ верхній слой насыпной, а нижній, или дно состоятъ изъ глины, какъ вещества холоднаго и худо пропускающаго сквозь себя воду. Такое же вліяніе оказываютъ на развитіе холеры и дома, близко одинъ отъ другаго построенные и наполненные жильцами, не пекущимися ни о чистотѣ ни объ опрятности. Причина очевидна: сырыя почвы холодны, слѣдовательно и дома, на нихъ построенные, холодны, сыры и располагаютъ къ простудамъ и капарральнымъ болѣзнямъ. Насыпныя почвы, состоящія изъ минеральныхъ и разрушающихся органическихъ веществъ, равно какъ итѣсныя, многочленные и неопрятныя жилища, составляютъ неизчерпаемый магазинъ удушливыхъ испареній, коихъ пагубное дѣйствіе на развитіе холеры доказано многими опытами. Вѣроятно, эти удушливыя испаренія, сырость и холодъ, равно какъ и другія обстоятельства, о коихъ рѣчь будетъ ниже, похищаютъ изъ плѣна нашего одно изъ важнѣйшихъ условій, безъ котораго оно не въ состояніи противопоставлять первоначальной причинѣ, производящей холеру.

с) *Простуда*, какъ посредствомъ воды и воздуха, такъ и посредствомъ холоднаго пища. Вообще простуда во время холерной эпидеміи, особенно въ началѣ и срединѣ ея, споль была опасна, что мѣсто обыкновенныхъ простудныхъ болѣзней, каковы: кашель, поносъ, ревматизмъ, лихорадка и горячка, по большой части засипупала холера, которая или прямо открывалась, или начавшись обыкновенною простудною болѣзнію, послѣ превращалась въ холеру. Были примѣры, что горячки, предшествовавшія холерной эпидеміи, при появленіи оной, оканчивались холерою.

д) *Пища*: а) *Растительная*. Нѣкоторыя растительныя произведенія, употребляемыя безъ оспороженности, во время холерной эпидеміи, оказались содѣйствующими раскрытію холеры; къ таковымъ я отношу: кислыя и сырыя яблоки, арбузы, дули, сырую рѣпу, морковь, капусту. Эти плоды и овощи, охлаждая брюшныя внутренности, сперва производили поносы, а потомъ и самую холеру. б) *Животная*. Нѣкоторыя съѣстные припасы изъ животнаго царства также подавали явный поводъ къ образованію холеры. Къ таковымъ причисляю я жирныя, копченныя ислишкомъ соленыя вещества, на пр. свинину, колбасы, соленую рыбу, жирныхъ гусей, утокъ и ш. п.

е) *Питье*: а) *Вода*, коею Московскіе жише-

ли въ разныхъ видахъ ушопляющъ свою жажду, во время свирѣпшвованія холеры, по видимому, ничего особеннаго въ себѣ не содержала. Предъ наспупленіемъ же эпидеміи, въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, она была теплѣе обыкновеннаго, и пошому могла содержать въ распворѣ своемъ большое количество разрушающихся органическихъ веществъ, служащихъ зародышами для новыхъ живыхъ шварей, каковы: *Зеленая Пристлесса матерія, налигатыя животныя* и ш. п. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкопорыя изъ споячихъ водъ измѣнились не шолько въ цвѣтѣ, но и густошъ. Такимъ образомъ *Переяславское* озеро, извѣстное по ловлѣ сельдей, копорое находится при уѣздномъ городѣ Владимірской Губерніи, Переяславль-Залѣскомъ, и ошспойшъ ошъ Москвы за 120 верспъ, изъ прозрачнаго сдѣлалось зеленымъ и густымъ, какъ спудень, шакъ что эшо зеленое спуденистное вещество ушопреблялось городскими жипелями вмѣсто зеленой краски а). По прекращеніи жаровъ и при наспупленіи осени, оно, мало по малу исчезло и

а) О семъ весьма любопытномъ явленіи Переяславскаго Озера, я слышалъ ошъ людей, заслуживающихъ полную довѣренность, и жившихъ въ шо время въ Переяславль Залѣскомъ. Къ какому роду произведеній принадлежшъ эшо спуденишно-зеленое

вода онапѣ сдѣлалась прозрачною. Вѣроятно, что это спуденистое вещество не всю массу воды занимало и не имѣло значительнаго вліянія на здоровье водяныхъ жителей; ибо мертвыхъ рыбъ найдено немного. Городскіе жители совершенно ея не употребляли, и во время холерной эпидеміи въ Москвѣ, были гораздо здоровѣе, нежели въ другія времена. б) *Искусственные напитки* изъ раскисельныхъ веществъ, каковы: поливо, хлѣбное и виноградное вино, не только не предохраняли отъ холеры, но еще болѣе способствовали ея раскрытію; и потому употреблявшіе ихъ безъ умеренности, почти все сдѣлались ея добычею.

Изъ внутреннихъ условій, располагающихъ шло къ холерѣ, достойны замѣчанія:

вещество, рѣшить, не выдавъ его въ глаза, не берусь. Впрочемъ извѣстно, что простое измѣненіе цвѣта воды можетъ произойти отъ весьма мѣлкихъ растѣній и наливчатыхъ животныхъ, рождающихся въ безчисленномъ множествѣ въ сподыхъ водахъ во время жаровъ. Измѣненіе естества водъ случалось также и въ древнія времена. Извѣстно изъ Св. Писанія, что изъ числа казней, кои Богъ во времена Моисея посылалъ на Египтянъ, одна состояла въ томъ, что воды Египетскія превратились въ кровь, и живущія въ нихъ рыбы перемерли.

а) *Слабое противоудѣйствіе впечатлѣній*, при возвышенной способности принимать оныя. Слѣдовательно холерѣ преимущественно подвергаются люди весьма чувствительные, робкіе и боязливые.

б) *Труды*, сильно изнуряющіе плѣсныя и душевныя силы.

в) *Средній возрастъ*. Казалось бы, что люди средняго возраста должны болѣе противоудѣйствовать вліянію холерной эпидеміи, по причинѣ равновѣсія, господствующаго между средобѣжною и средостремительною напряженностію ихъ жизненныхъ силъ; но опыты показалъ противное. Младенцы, юноши и спарники рѣдко, а возмужалые очень часто подвергались холерѣ. У первыхъ (младенцевъ и юношей) средобѣжная напряженность жизненной силы владычествуетъ надъ средостремительною, а у послѣднихъ (спариковъ), средостремительная имѣетъ перевѣсъ надъ средобѣжною ея напряженностію. Слѣдовательно младенцы и юноши весьма рѣдко подвергались холерѣ, пошому, что у нихъ средобѣжная напряженность жизненныхъ силъ, сильнѣе средостремительнаго вліянія холерной эпидеміи, а спарые люди (при оспо-рожномъ образѣ жизни, какъ условіи необходимомъ для всѣхъ возрастовъ), рѣдко спрадали сею болѣзнію, отъ шого, что у нихъ

способность принимать новое и свѣжее вещество, находясь въ прямомъ содержаніи съ способностію измѣнять вещество старое и поношенное. Просите сказать: спарческое тѣло, будучи мало чувствительное ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, по причинѣ медленнаго измѣненія органическаго вещества, имѣетъ способность крѣпче удерживать спаринную форму своего существованія, не только съ физической, но и съ нравственной стороны.

Спрашивается: опъ чего люди средняго возраста чаще подвергались холерѣ, нежели другихъ возрастовъ? Опъ того, что у возмужалыхъ легко можетъ нарушиться равновѣсіе между чувствительностію ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ и пропивудѣйствіемъ онымъ: ибо возмужалые люди имѣютъ обширнѣйшее соприкосновеніе со внѣшнимъ міромъ, и болѣе подвержены злоупотребленіямъ въ образѣ жизни и діетѣ, нежели молодые и спарики. Такъ какъ первоначальная причина, производящая холеру, рѣдко дѣйствуетъ на спариковъ, потому, что они слабо чувствуютъ ея впечатлѣнія, а на молодыхъ по той причинѣ, что они сильно ей пропиводѣйствуютъ, то легко понять можно, почему люди сего возраста, даже при сихъ условіяхъ, нарушающихъ равновѣсіе между ихъ чувствительностію и пропивудѣйствіемъ организма, рѣдко подвергаются холерѣ.

Гдѣ первоначальная причина холеры, внѣ ли человеческого плѣа, или внутпри онаго? И въ чемъ состоятъ сущность сей причины? На первый вопросъ рѣшительно можно сказать, что первоначальная причина холеры находится внѣ человеческого плѣа; рѣшивъ же второй вопросъ едва ли возможно. Но такъ какъ явленія, происходящія въ неорганическомъ и органическомъ веществѣ природы, согласны бываютъ съ свойствомъ причинъ, производящихъ оныя; то я не излишнимъ почитаю обратишь вниманіе читателей на обстоятельства, предшесствующія и сопровождающія припадки холеры.

Замѣчено, что холера поражаетъ людей по большей части два раза въ сутки: 1) либо послѣ обѣда между первымъ часомъ и временемъ паденія вечерней росы (зимою во время паденія инея); либо 2) послѣ полуночи, между первымъ часомъ и временемъ паденія утренней росы, или предъ восхожденіемъ солнца. Въ этомъ она согласуется съ періодичностью воздушнаго электричества и земнаго магнетизма. Хотя извѣстно, что періодичности ихъ современны, но степени ихъ напряженности превратны.

Въ то время, какъ электричество получаетъ наибольшую степень напряженности, максимумъ — (около 9 и 10 часа утра, и 10

и 11 часа вечера) — земной магнетизмъ показываетъ наименьшую, *minimum*; и на оборотъ, когда первое показываетъ наименьшую (около 4—5 часа утра и 4—5 вечера) — послѣдній приобретаетъ наибольшую силу напряженности.

Такое согласіе холеры съ періодичностью земнаго магнетизма относителъно къ воздушному электричеству, ведетъ къ заключенію, что первоначальная причина холеры находится въ связи съ теми дѣятелями природы. Не есть ли она слѣдствіе усиленной напряженности магнетизма, представителя пьезеи или сжимаемости, какъ основной силы физическаго міра? Эту догадку подтверждаютъ; кажется, слѣдующія объясненья :

а) Холера предшесвуема бываетъ *погодой жаркою и сухою*, слѣдовательно напряженностью теплоты и электричества, какъ представителей разширительной или средобъжной міровой силы свѣта; а сопутствуема, бываетъ *погодой сырою и прохладною*, или по крайней мѣрѣ припадки ея обнаруживаются въ то время, когда холодъ и сырость начинаютъ замѣнять мѣсто теплоты и сухости (около 4 и 5 часа вечера и около того же времени утра); слѣдовательно тогда, когда средостремительная сила природы — шажетъ,

развитая въ магнетизмъ , приобретающъ наибольшую силу (тахитим).

2) *Припадки*, коими выражается сущность холеры, каковы: рвота и поносъ водянистымъ веществомъ , сжатый , почти неосязасмый пульсъ , спазмы мышцъ и корчи , охлажденіе тѣла , темная и густая кровь , ссыдающаяся въ полипробразные сгустки , и проч. весьма ясно показывающъ , что средостремительная сила имѣетъ перевѣсъ надъ средобѣжною , выражающагося живописнымъ электричествомъ , и что тѣло больного холерою разряжается наподобіе Лейденской банки.

3.) *Причины* , располагающія къ припадку холеры , или содѣйствующія первоначальной причинѣ , производящей холеру , покористъ своей силѣ жизнедѣятельности организма , сущакого рода , что средостремительная сила организма опъ ихъ вліянія усиливается , а средобѣжная ослабляется. Къ таковымъ причинамъ преимущественно относятся : сырой и холодной атмосферической или комнатной воздухъ ; охлажденіе послѣ сильного разгоряченія , на пр. , послѣ бани , пьянства , гнѣва и п. н. ; пища , состоящая изъ сырыхъ и прохладительныхъ плодовъ , изъ яствъ копченыхъ , жирныхъ , соленыхъ и прѣлыхъ , возбуждающихъ сильную жажду ; напитки , сначала сильно возбуждающіе , а потомъ сопровожда-

Телеск. Ч. II.

36

ющіеся разслабленіємъ , на пр. , спиртныя ; воздухъ , наполненный удушливыми испареніями въ пѣсныхъ и многоядныхъ мѣстахъ , домахъ и проч.

4) *Удачное лѣченіе* , состоящее въ возбужденіи теплоты и усиленіи жизненнаго электро-химическаго процесса посредствомъ теплыхъ припарокъ и ваннъ , теплаго ароматическаго пива , также посредствомъ пренія спиртами , щепками , суконками , фланелью. Словомъ: холера вылѣчивалась только тогда , когда силами природы или искусства возпаловлялись равновѣсіе и порядокъ между средобѣжною и средоспремительною силами организма.

А. Л-кій.

VI.

БИБЛІОГРАФІЯ.

— СОКРАЩЕНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, *изданное для Воспитанницъ Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины Александромъ Преображенскимъ*. 3 части. Москва, въ Универс. Типогр. 1831. — «Кривикова въ историческія произведенія , назначаема для употребленія учащихъся , не бесполезно; ибо сочиненія сего рода , если не будутъ образцовыми въ сравненіи съ другими , за то имѣютъ обширнѣйшее вліяніе , и ошибки , въ нихъ заключающіяся , весьма опасны , попому что читающіяся людьми , еще не способными предохранять себя

отъ оныхъ» (а). Сіе мнѣніе знаменитаго *Тьерри* побудило насъ къ разбору Всеобщей Исторіи, сокращенной *Г. Преображенскимъ*.

Представивъ всѣ вѣка въ настоящемъ ихъ видѣ, съ оплывчивостью ихъ характерискою — вопль совершенства, до котораго усиливаются довести Историю въ новѣйшія времена! Но дабы, взирая на столь вѣрное изображеніе жизни народовъ, вполне понимать оное, дабы не затруднять вниманія многосложностию фактовъ, изъ коихъ она слагается, необходимо подвесити оныя подъ начала, показавъ естественную ихъ между собою связь и освѣтитъ ихъ непреложными историческими законами — вопль назначеніе Истории, какъ науки!

Только въ семъ видѣ Исторія пріобрѣтаетъ всю свою классическую важность: и если позволительно и даже необходимо всѣ историческія истины и законы приспособлять къ возрасту учащихся, приводить къ болѣе яснымъ и просвѣтлѣвшимъ началамъ; если позволительно иногда принимать форму разсказа болѣе завлекательную, нежели серьезную, ученую; то не просвѣтительно для какой-нибудь частной цѣли искажать самыя высокія и вѣснѣе очевидныя истины и невѣрно изображать самыя важныя событія. Заставлять предковъ нашихъ думать и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ они не могли ни думать, ни дѣйствовать, и наоборотъ обвинять ихъ за то, что они не имѣли идей, для образованія коихъ потребны были вѣковыя усилія ума человеческого; заставлять своихъ современниковъ ложно понимать все прошедшее, показывая имъ вѣка минувшіе сквозь стекло заблужденій и, называя

(a) *Lettres sur l'Histoire de France*, par A. Thierry.

Исторію наукою, представлять се сказкою безсвязною, тяжело пересказанною — это болѣе, чѣмъ непростительно. Но къ сожалѣнію благомыслящихъ людей паковы достоинства *Сокращенія Всеобщей Исторіи*, написаннаго Г. Преображенскимъ — сокращенія, которое слишкомъ далеко отшпало отъ незавидныхъ трудовъ Шрека, Кайданова, Басалаева и подобныхъ, которое почти отшпало даже отъ Крапкой Исторіи Россійскаго Государства, сочиненной Ил. Васильевымъ, и которое могло явиться у насъ послѣ перевода прекраснаго введенія во Всеобщую Исторію для дѣшей, написаннаго А. Шлецеромъ.

Вотъ доказательство, на которыхъ мы основываемъ наше сужденіе!

Въ предувѣдомленіи къ своему *сокращенію* Авторъ говоритъ, что Исторія есть обширная наука, но опредѣляетъ оную такъ: *«Исторія есть изложеніе достопамятныхъ происшествій»*. Что же разумѣетъ онъ подъ *достопамятными происшествіями*? «Туманное пятно, появившееся въ области свѣтила и подтверждающее теорію Лапласа объ образованіи міровъ, болѣе нежели достопамятно: но можно ли говорить объ немъ во Всеобщей Исторіи? Землетрясеніе, огнедышущія изверженія въ странѣ безплодной, болѣе нежели достопамятны для Естественнаго общества; но прилично ли говорить о нихъ въ Исторіи народовъ? Опредѣляя такимъ образомъ Исторію, самъ Авторъ рассказываетъ намъ, какъ Римлянинъ убилъ кошку (ч. I. стр. 35), какъ Спартакъ ѣлъ черную похлебку (ч. I. стр. 39), какъ Калпурній, супругъ Юлія Цесаря, представилось видѣніе (ч. I. стр. 80), какъ видно было сѣверное сіяніе и появилась комета, и пр. и пр. Это для него *Историческія достопамятныя*».

людиности! Какоежъ понятіе получатъ ученикъ объ Исторіи, какъ Наука, изъ сего обвѣщалаго, несправедливаго опредѣленія? Чѣмъ выведетъ онъ изъ сего сбора и важныхъ событій и пустыхъ анекдотовъ?

Ничто не можетъ быть выше и для человѣка существенно полезнѣе, какъ изслѣдованіе законовъ и возможнаго до нѣкоторой степени вліянія воли человеческой на сія самыя законы, по которымъ образовались тѣ великія полипическія общества, гдѣ люди могутъ существовать подѣ кровомъ безопасности, гдѣ одинъ безъ затрудненія дѣйствуетъ для миллионѣвъ людей, и гдѣ одинъ пользуется трудами сихъ миллионѣвъ не только безъ ущерба, но даже съ выгодами для нихъ самихъ? Показать начало, развитіе, полную жизнь таковыхъ обществъ, не забывая ни одного сословія, показать систему, которую образуютъ собой сія общества, преимущественно во времена новѣйшія—вопѣ великая задача Исторіи! Но *Г. Прображенскій*, принявшій синхронистическій способъ писанія, только чѣмъ связалъ годами различныя, задержавшіяся въ памяти людей, происшествія: онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о жизни народовъ, ни о полипическомъ ихъ организмѣ, ни объ отношеніи ихъ къ великимъ предсавителямъ бытія и дѣятельности ихъ—великимъ людямъ. У него Ассурѣ, Немродѣ, Клодевики, какъ будто лѣзятъ изъ ничего государства и являюся глубокомысленными и дальновидными полипиками; между тѣмъ какъ они, исполненные варварства, не могли не только управлять государствами, не только владѣть народами полипически, но не окончили даже поземельнаго завоеванія тѣхъ странъ, въ коихъ почитаются основателями государствъ. Великія государства, по словамъ *Г. Пре-*

ображенскаго, разрушающіеся не рѣдко отъ произвола одного чловѣка; между тѣмъ какъ необходимы цѣлыя вѣки, тысячи обстоятельствъ и, такъ сказать, законныя причины такого разрушенія. Вопреку какъ понимаешь и объясняешь онъ начало, жизнь и конецъ всякаго государства.

Изображая отношенія Хронологіи и Географіи къ Исторіи, онъ говоритъ, что «первая показываетъ времена, а вторая мѣста происшествій.» Это старинная пѣсня, напѣваемая во всѣхъ Введеніяхъ въ Исторію. Но не уже ли, на пр. Средняя Азія занимательна для Исторіи только потому, что находилась подъ извѣстными градусами, а не потому, что свойственно ей неудобно для осѣдлости народовъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, не имѣютъ времени занятыя чѣмъ-нибудь постоянно и, находясь въ семъ положеніи, не могутъ имѣть никакой надежды на успѣхи въ гражданственности; которые должны тамъ вѣчно скидываться съ своими сподами, получаютъ отъ нихъ продовольствіе, содержатъ табуны лошадей и паки тѣмъ образомъ воспитывать у себя конницу, не разъ низпровергавшую и основывавшую государства сильныя и успроенныя?

«Всеобщая Исторія», говоритъ онъ, «описываетъ происшествія всѣхъ государствъ и народовъ, отъ сотворенія міра до нашихъ временъ существовавшихъ и существующихъ.» Но какое право имѣютъ народы Африки и Америки на мѣсто во Всеобщей Исторіи, доколѣ дѣйствія ихъ были однообразно ничтожны, доколѣ они не имѣли какого-либо отношенія къ государствамъ или народамъ, составляющимъ важнѣе звенья въ цѣпи чловѣчества, доколѣ они принадлежали къ тому чловѣчеству только по имени людей? И почему

самъ Авпоръ ни слова не говоритъ о происшествіяхъ въ Средней Африкѣ, Сѣверной Азіи, начиная, какъ онъ выражается, отъ сотворенія міра до нашихъ временъ?

Таковы общія основныя понятія объ Исторіи *Г. Преоображенскаго*. Чтожь касается до частныхъ ошибокъ, пропусковъ, недосмотровъ и просмотровъ, коими наполнены изданныя имъ при часни, то, дабы не затруднить вниманія читащелей, мы представимъ имъ только нѣкоторыя изъ первыхъ попавшихся нелѣпостей, кои учащимся могутъ внушить самыя ложныя понятія объ историческихъ происшествіяхъ.

—Жизнь Патріархальную называетъ онъ образомъ правленія!! (Ч. I. с. 10).

—Набополассаръ и Новохудоносоръ *прославились*—чѣмъ вы думаете?—тѣмъ, что «первый *завоевалъ* Сирійское Царство, а второй разрушилъ Иудейское, *разорилъ* храмъ Иерусалимскій и *отвелъ* всѣхъ Иудеевъ въ плѣнъ!! (Ч. I. с. 18).

—Идопоклонство, говоритъ онъ, родилось въ Вавилонѣ, и отсюда (!!) распространилось во всѣ погда извѣстныя страны. (Ч. I. с. 34).

—Римляне *превратили* *Монархію въ республику* (?) (Ч. I. с. 54) а Ромуль-Августуль, добровольно сложивши съ себя корону, *силъ уничтожилъ политическое бытіе Западной Римской Имперіи!!!* (Ч. I. с. 94)

—Пушительскія войны *нагались*, по мнѣнію *Г. Преоображенскаго*, за то, что *Кароленъ лишилъ* жителямъ города Мамерна *производить морскіе разбои*, а Римляне за сіе вступились!! (Ч. I. с. 71).

—Отъѣздъ Петра Великаго въ чужіе края объясняется онъ такимъ образомъ:» осада Азова показала Петру всю необходимость во флотѣ; почему *онъ рѣшился самъ отправиться въ тузія Государства для образованія себя въ науку кораблестроенія!!!*» (Ч. III. с. 113.)

Довольно ли?

Таблицы, приложенныя къ книгамъ, весьма не вѣрны; именно—въ первой таблицѣ II части Авшюръ пишетъ, что въ VII столѣтіи вѣра Христіанская подавила въ Европѣ вѣру Магометанскую; между тѣмъ какъ сія послѣдняя въ VII столѣтіи еще не достигала до Европы. Въ послѣдней таблицѣ, приложенной къ Новой Исторіи, Авшюръ говоритъ, что ордена Доминиканскій и Францисканскій основаны около 1200 года; но это также несправедливо.

Словомъ сказать: Г. Преображенскому невозможно никакъ вѣрить на слово въ его книгѣ, нельзя полагаться почти ни на одно изъ его сужденій. Написанное имъ *Сокращеніе Всобщей Исторіи* представляетъ наборъ произшедшій, безсвязно набросанныхъ. Прошедшее отъ настоящаго не оплечено у него ни чѣмъ, кромѣ имени. Ни одного новаго свѣтлаго взгляда—кромѣ развѣ мрачнаго описанія хода болѣзни Холеры, которую онъ первый еще живо внесъ въ историческій свой помянникъ—не найдете вы въ цѣлыхъ прехъ томахъ. Какъ не пожалѣть послѣ этого объ участи учениковъ и ученицъ, кои должны будучи имѣть несчастіе проходить Исторію по сокращенію оной, написанному *Г. Преображенскимъ!*...

Скоро ли настанетъ время, когда бесплодныя усилія не приготовленныхъ писателей перестанутъ обра-

печатѣсь на произведенія собственныхъ сочиненій? Скоро ли у насъ появятся переводы историческихъ книгъ, заслуживающихъ полное одобреніе людей просвѣщенныхъ? Скоро ли настанетъ время, когда Исторіи не будутъ приписывать унизительнаго опредѣленія — *изложеніе достопамятныхъ происшествій*; когда большая часть учителей будутъ развивать въ юность больше способности умственной, нежели опануть налегать на память; съ ослабленіемъ которой человекъ, воспитанный такимъ образомъ, переплетъ свои познанія и дѣлается почти безполезнымъ для общества по части ученой? Преподавать дѣтямъ начала какой-либо науки — весьма важное дѣло! Но, къ сожалѣнію, большая часть нашихъ ученыхъ почти не обращаетъ на то никакого вниманія а); а родители поручаютъ сіе важное дѣло людямъ совершенно невѣжественнымъ по сей части, такъ что дѣтямъ приходится послѣ снова проходить все заученное ими на память. (В. П.)

— *Бѣглець, повѣсть въ стихахъ. Соч. А. Вельмана. Москва, въ тип. А. Семенова, 1831.* — Судя по *Страничку Г. Вельмана*, представляющему собой истинный диенрамбъ въ прозѣ, можно было предполагать въ изданномъ имъ *Бѣглецѣ* много поэзіи. Вышло совершенно прошивное. *Бѣглець*, не смотря на то, что называется *повѣстью въ стихахъ*, тянется вялою и медленною прозою.

Противорѣчіе сіе конечно спранны: но его объяснишь весьма не трудно. Оно происходитъ изъ того,

а) Изъ сего должно исключить Г. Греча (Русск. Грам.), Г. Перевозикова (Мат. Энц.), Г. Погодина (перевведенія въ Исторію для дѣтей Шлецера).

что настоящее поколѣніе, воспитывающееся не въ древнемъ классическомъ православіи и благоговѣиномъ страхѣ Писійскаго бога, распочаесть благодатные дары природы безъ всякой разчешливости; точно такъ, какъ избалованные баричи промапывають богатое родительское наслѣдство, достающее имъ въ руки, прежде нежели они научились управлять имъ. Не часто ли у сихъ послѣднихъ тысячи лопаются въ буракахъ и ракетахъ, а на домашнее отопленіе, въ прескучій морозъ, отпускается осиновый хворостъ, по аптекарскому разчисленію! Точно тоже бываетъ и съ большею частію либераторовъ, не пріучившихся за благовременно къ духовному домоспротельству. У нихъ невещественный капиталъ идетъ прахомъ; такъ что среди видимаго богатства оказывается внезапно крайняя бѣдность. То-то старинная Русская пословица: *береги денежку про терный день!*

Недостатокъ поэзіи въ *Бѣлелѣ Г. Вельтмана* обнаруживается неопытною или даже совершенною ничтожною содержаніемъ. Все дѣло въ томъ, что одинъ Донскій Казакъ, по имени *Леонидъ*, находясь въ невольничествѣ у одного Грека, влюбляется въ его дочь, по имени *Мирру*, и, желая спасти ее отъ кнѣжа одного ревниваго Турка, по имени *Аджид-Ара*, получаетъ отъ него чуму, которую передаетъ и своей любезной. Конечъ, по обычаю, прагматическій: и онъ и она умираютъ! Мы нарочно поименовали здѣсь всѣ при дѣйствующія лица сей повѣсти: ибо ихъ ни по чему, кромѣ именъ, распознать не возможно; такъ слѣпо онъ очерченъ. Имя *Бѣлелѣ* принадлежитъ *Леониду*; потому что онъ, въ продолженіе трехъ первыхъ спроекъ повѣсти, являея *бѣгущимъ*

невѣдомо—куда, и невѣдомо—опкуда. Рѣчь, копорую Поэпъ влагаепъ ему въ успа, передъ опважнымъ прыжкомъ въ Дунай, совершенно ничего не объясняепъ; и если бы Еврей *Караимъ* не опкрылъ опцу *Мирры*, что

Онъ Русскій; но свою Россію

На край Османовъ промѣнялъ (13)—

то едва бы не привелось счестъ его за выходца съ того свѣта: такъ безцвѣтна его фizioномія и загаочно все, что ни говоришь онъ самъ о себѣ. Спрашная, или лучше опврапительная сцена, коей оканчиваепся повѣсть, одна только имѣепъ нѣкоторый видъ дѣйствія; ибо все прочее—менѣе, чѣмъ разсказъ... менѣе, чѣмъ описаніе... протпо—родъ стихопворнаго распроспраненія заданной темы, по прихотямъ разыгравшагося воображенія!..

Эта скудость содержанія ни сколько не вознаграждается формою. Вообще образъ изложенія сей повѣсти пустъ, безцвѣтенъ и скученъ. Языкъ хопя и чистъ, но не имѣепъ живости поэпического колорита и даже весьма часпо унежается до прозаической пошлости. Это опщупнтельно въ самыхъ первыхъ спрокахъ:

Объ берегъ быстрого Дуная,
Набгемъ яростнымъ плеская,
Клокочепъ, пѣнился волна;
На небъ тучи; ночь черна,
Какъ застарѣлый мракъ пемницы.
Но нѣтъ ночной здѣсь пшщины:
Здѣсь охраненіе границы
Протъ гонитъ тишину и сны. (1)

Иногда, правда, попадаются стихи удачные и выраженія счастливыя. Таковы н. п. слѣдующіе:

Длинна, какъ вѣчность, ночь несчастныхъ;
 Но все угрюмой темнопою
 Для нихъ милѣ дней прекрасныхъ,
 Согласный съ мрачною душой! (18)

или:

Первоначально я любилъ
 Людей любовью беззаботной;
 Но долго ли я съ ними жилъ
 Безъ немощей, какъ духъ безплодной?
 О память! душу не волнуй!
 Вы не Иосифа ли братья?
 Какъ ваши пламенны объятья!
 Какъ нѣженъ, сладокъ поцѣлуй!
 Слова любви въ устахъ готовы.
 Но вижу я злые ковы.... (14)

Здѣсь видно и чувство!.. Два посвященія, предшес-
 вующія повѣсти, доказываютъ тоже самое!..

Все это заставляетъ пожалѣть, что Поэтъ не
 распорядился лучше своею охотою и способностію пи-
 сать. Но надѣясь, кажется, еще не поздно! ..

— РАЗМЫШЛЕНІЯ О ВАЖНѢЙШИХЪ ИСПИНАХЪ РЕЛИГИИ,
 писанныя для наслѣднаго Принца Брауншвейг - Люна-
 бургскаго знаменитымъ Иерусалемомъ; переведены съ
 Нѣмецкаго Т. Крыловымъ. Изданіе третіе, вновь
 исправленное. Т. I, II, III, IV. С.П.Б. въ Тип.
 Экспед. Загот. Госуд. Бум. 1831. — Нашъ вѣкъ не
 славился особеннымъ приспращіемъ къ сочине-
 ніямъ, коихъ цѣль и достоинство состоятъ въ
 душеспасительной назидательности; и потому сіе
 новое изданіе давно извѣстнаго перевода дав-
 но извѣстной книги, предпринятое конечно не
 для одного удовольствія доставить работу пи-
 погражскимъ станкамъ, заслуживаетъ вниманіе.
 Оно показываетъ, что *Размышленія Иерусалема*

не плакъ еще состарѣлись для любителей благо-
честиваго чтенія , какъ угодно было провозгласить
Московскому Телеграфу. Да и можетъ ли состарѣ-
ваться достоинство истины? . . . Если образъ вы-
раженія сихъ *Размышлений* весьма просить и споко-
енъ, если не встрѣчается въ нихъ ни мистической
тлубины, ни экспатическаго одушевленія—то это ни
сколько еще не унижаетъ цѣны ихъ. Слово жизни, возвѣ-
щаемое религіею, должно приниматьъ всѣ формы; дабы
всюду прививался свободно и безпрепятственно;
должно обнажаться со всѣхъ сторонъ, предлагаться на
всѣ тоны, выражаться всѣми языками, дабы сдѣлать-
ся для всѣхъ внятнымъ и вразумительнымъ; должно
быть—по Апостольскому выраженію — *исти́на вса, да
вса приобрящеть*. Въ *Размышленіяхъ Иерусалема* ему
сообщена форма спрогой діалектической послѣдова-
тельности, подъ надзоромъ умствующаго *разсудка*,
испоющаго всѣ свои усилія для того, чтобы, соб-
спвенною властію, *плѣнить себя въ послушаніе вѣры*.
Посему онъ останулся всегда важными и полезными
для пѣхъ, въ конхъ раскрывшаяся дѣятельность мыш-
ленія, успѣвъ сознанъ свою силу, но не умѣя очер-
тить для ней должныя границы, препыкается и
соблазняется о таинства вѣры, не доступныя для
ся условій и законовъ. Правда, полемическій тонъ
ихъ, выпущенный современными обстоятельствами,
не имѣетъ всеобщности: онъ ограничивается пре-
имущественно школою невѣрія, извѣснаго подъ име-
немъ Философіи осмнадцатаго вѣка, коей Ферней
былъ средоточіемъ. Но къ чести нашего вѣка должно
сознаться, что безсмысленное и дерзкое кощунство,
бывшее единственнѣмъ оружіемъ сей школы, тогда
столь могущественной и ужасной, нынѣ совершенно

приступилось. Глумленіе *Вольтера*, тѣшившее некогда легкомысленную суебность и опоздавшееся было во всѣхъ концахъ вселенной адскимъ хохотомъ, теперь возбуждаетъ одно жалкое презрѣніе. Но люди всегда люди; и для каждаго изъ насъ, въ ходѣ духовнаго образованія, не избѣжны эпохи, подобныя роковому осьмнадцатому столѣтію, когда духъ пылливый мудрованія, раздраженный сознаніемъ раскрытыхъ силъ своихъ, изъявляетъ неумѣстныя припязанія и заноситъ ничтожную пядь свою на измѣреніе безмѣрной пучины таинствъ, открываемыхъ вѣрою и преслѣдуемыхъ упованіемъ для насыщенія ненасытимой нашей любви къ безконечному. Тогда *Размышленія Иерусалема* могутъ служить для насъ спасительнымъ приближеніемъ! . . . Не дай Богъ никому имѣть въ нихъ насмѣшливой нужды: но благоразумная предусмотрительность пребудетъ, чтобы онѣ были всегда подъ рукою; точно такъ какъ у рачительнаго и оспорожнаго хозяина всегда наготовѣ бывають лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней, хотябы онъ и все его семейство наслаждались совершеннымъ здоровьемъ. Кътожь не удивится послѣ того дерзости, съ копорою *Московский Телеграфъ* произноситъ рѣшительные приговоры о вещахъ, кои очевидно въ предѣлахъ его разумнія? Хотябы богословствованію отказался онъ по крайней мѣрѣ! Это уже совершенно не его дѣло! . . .

— осень 1830 года. *Лирико-Историческое пѣснопѣіе слѣпца. Москва, въ Унив. Типографіи, 1831.* — Пѣснопѣіе сіе есть отголосокъ давно умолкнувшей лиры почтеннаго *Н. М. Шатрова*, коему поэзія наша обязана многими счастливыми переложеніями псал-

мовъ и другими достойными стихотвореніями. Оно есть плодъ ощущеній, смѣнявшихся въ душѣ старца въ годину бѣдствія, посѣптившаго прошлою осенью древнюю Русскую столицу. Искры дарованія, не совсѣмъ еще охладѣвшаго, озаряють сію лебединую пѣснь, коея вопль начало:

Не пировъ роскошныхъ сладость,
Прелесть душъ, восторгъ сердець,
Не поржествъ народныхъ радость
Здѣсь поетъ слѣпый пѣвецъ;
Онъ поетъ въ своей темницѣ,
Не на свадебной цѣвницѣ,
Но на лирѣ гробовой,
Погребальными струнами;
Надъ могильными холмами—
Пѣснь болѣзни моровой!...

Произведенія *Н. М. Шатрова* замѣчательны особенно потому, что онъ Русскія безпримѣсныя произведенія. Талантъ творца ихъ есть ипалантъ собственно Русской, самородины онъ развился и возросъ безъ всякаго пособія образованія. *Н. М. Шатровъ* не знаетъ даже никакого иностраннаго языка. Въ этомъ отношеніи весьма похвально намѣреніе Россійской Академіи издать полное собраніе всѣхъ его стихотвореній, какъ доказательствъ самопроизводительности Русскаго духа. Назадъ тому нѣсколько десятиковъ лѣтъ, Дидешоръ, просилъ для рѣдкости перевести ему нѣсколько стиховъ изъ *Майкова*, также самороднаго Русскаго поэта, дабы видѣть, такой ли механизмъ мыслей и чувствованій у насъ сѣверныхъ Гиперборейцевъ, какъ и у прочихъ жителей земнаго шара. Нынѣ хотя человѣчество наше и не подвергается сомнѣнію: но все не худо изрѣдка напоминать объ немъ!

— ESSAI SUR LA SCIENCE ET SUR LA FOI PHILOSOPHIQUE *par F. Ancillon. Paris. 1830.* (Опытъ о философическомъ вѣденіи и о философической вѣрѣ, соч. Ансильона. Парижъ, 1830).—Симъ новымъ и прекраснымъ *Опытомъ* обязаны мы автору, знаменитому въ просвѣщенномъ мірѣ Эстепическими Разсужденіями, блистательной Карпиной послѣднихъ прехъ вѣковъ Европы и многими другими философическими и политическими Изслѣдованіями, свѣплыми и глубокими. Соединяя въ себѣ два прошивуположные, такъ сказать, спила Европейскаго образованія, *Ансильонъ* является, во всѣхъ своихъ опыпахъ, почкою равновѣсія современныхъ учений и потребностей. Не будучи предназначенъ пворить новое въ области наукъ, онъ освѣщаетъ метафизическую глубину Германскаго ума свѣпомъ За-Рейнскаго воображенія и на сырую производительность перваго кладетъ печать спройнаго и живаго образованія, свойспвеннаго послѣднему. Въ отношеніи религіозномъ ученикъ и истолкователь Якобіа, въ началахъ политическихъ воспитанникъ и сонупникъ великаго Монпескё, онъ низводитъ на свои пворенія небесный свѣпъ идеальнаго одушевленія, умѣряемый тяжестію приложенія къ ограниченной дѣйспвительности. Такое прошивоборспво влекущихъ силъ, можетъ быть, содѣлываетъ шеспвіе его медленнымъ, шихимъ; но вмѣстѣ радушнымъ и привѣпчивымъ ко всѣмъ современнымъ ученіямъ.

Доспоннспство *Ансильона*, какъ политическаго писателя, зависить отъ окончательной развязки, какую предспавитъ борьба его съ спремительными началами Монпескё. Здѣсь не можетъ быть середины: рѣшительный ударъ долженъ окончить все. Кпо не выдержитъ соперничества, шотъ низвергнется въ

прахъ и будетъ преданъ забвенію. Но, кажется, одна опважность вступишь въ бой съ симъ великаномъ дѣлаешь честь всякому предпріимцу.

Монтескѣ первый, въ изслѣдованіи полипическаго организма народовъ, сбросилъ съ себя тяжелыя узы подражательности: но, облекшись въ доспѣхи современной философіи, явилъ себя спрашнымъ врагомъ своего вѣка, тогда какъ могъ быть цѣлителемъ его недуговъ. Его *Духъ Законовъ*, тяжелое двадцатилѣтнее бремя творца своего, въ слѣдъ за коимъ появились привидѣнія законовъ, отворилъ дверь ужаснымъ событіямъ. Изъ всѣхъ философовъ XVIII вѣка, одинъ Монтескѣ, въ сирогомъ смыслѣ, заслуживаетъ укориэну попомковъ, какъ спарецъ, не къ чести своихъ священныхъ сѣдинъ, принявшій участіе въ гибельныхъ заблужденіяхъ обезумѣвшихъ современниковъ. Надъ нимъ пѣягопѣешь кровь многихъ... многихъ жертвъ. Онъ сдѣлался *Пилатомъ* XVIII столѣтія: ибо онъ-шо вывелъ истину на *лиоостротомъ* изспугленной Европы и предалъ злодѣямъ на *заушеніе*. Такъ соразмѣрны были его ошибки великому его генію! Вся вина его состояла въ томъ, что онъ родился въ XVIII вѣкѣ, когда не лзя было заплѣять добра, не надѣлавъ вдвое зла. Сила генія неизмѣрима; и, можетъ быть, доживши до послѣднихъ плачевныхъ временъ, однимъ камнемъ завалилъ бы онъ жерло пропторгнувшейся Эппы. Но теперь, когда всѣ желанія и предположенія тщетны, невольно скажешь объ немъ: «за чѣмъ онъ не зарылъ въ землѣ всѣ свои десять палантовъ?»

Бывъ краснорѣчивѣйшимъ апологиспомъ терпимости, Монтескѣ первый, можетъ быть, подаль поведъ къ люпѣйшему философическому фанатизму. Его

Телеск. Ч. II.

37

начала и правила, относящіяся ко всѣмъ вѣкамъ; были подхвачены легкомысленными его соотечественниками и примѣнены къ тѣсному кругу современности. Раны, нанесенныя сими соблазнами разуму людей его вѣка, такъ злокачественны и упорны, что ихъ можно исцѣлить только крѣпкимъ противудѣломъ—опшчальнымъ нигилизмомъ, въ коемъ, какъ въ безднѣ, гибнутъ ученія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Законъ жестокости и безразличія равняетъ всѣ ученія, какъ бы ни были онѣ противуположны. Но на краю этой бездны, въ миротворческомъ сіяніи, видѣтъ крошкѣй *Аксилонъ*, который бросаетъ соль здравой критики на начала Монпескѣ, опшмаетъ онѣ ихъ вѣдную силу и хранимъ ихъ отъ поврежденія. Его сочиненія объ умѣреніи крайностей въ мнѣніяхъ, суть выраженія возвышеннаго предчувствія о всеобщности правъ человеческого разума, руководимаго высшимъ свѣтомъ религіи. Въ нихъ нѣтъ своенравныхъ формальныхъ дѣленій образа бытія народовъ: ни исключительныхъ началъ, ни исключительныхъ цѣлей. *Аксилонъ*, одушевляясь гениемъ Монпескѣ, указываетъ гражданскимъ обществамъ всеобщую цѣль и отъ временнаго бытія зоветъ на высоту религіознаго созерцанія и умиленія. Если Монпескѣ, взывавша основанія политическихъ обществъ, разшатавъ ихъ: то *Аксилонъ* хочетъ напрошавъ загладить всѣ прегрѣшенія на потрясенномъ зданіи Европы. Но здѣсь, становясь рядомъ съ Монпескѣ, онъ представляется далеко ему не равнымъ. Тогда какъ зрѣніе сего послѣдняго, дѣйствуя въ огромномъ размѣрѣ, простирается до отдаленнѣйшаго горизонта, *Аксилонъ* спѣшается въ ограниченный кругозоръ горами трудностей, для него недостижимыхъ. Если сравнимъ ихъ въ самомъ шествіи, то

и здѣсь примѣнимъ, что глубокія бразды Монтескѣ не засынаются обильными афоризмами *Ансильона*. Однимъ словомъ: если *Ансильонъ* благочестивѣе Монтескѣ, то Монтескѣ, къ несчастію истины, несравненно глубокомысленнѣе *Ансильона*.

Ансильонъ не сошелъ еще съ авторской сцены: однакожь можно предсказать, что онъ оставитъ Монтескѣ по прежнему властвовать въ кругѣ наукъ политическихъ. *Климаты* сего послѣдняго долго еще будутъ играть важную роль въ политическихъ теоріяхъ; и столь напрасно пользующійся уваженіемъ, такъ называемый, смыслъ (*entendement*) еще долго будетъ держаться въ оковахъ чувственности чистое стремленіе духа человеческого. Желательно, чтобы сему властительному школь и трибуналовъ нанесенъ былъ решительный ударъ отъ философіи, достойной царствовать на землѣ—отъ философіи *Якобевой*, кошорой не много спущеней остается до святилища Христіанской Религіи. Тогда царство суетумудреннаго смысла, а съ нимъ вмѣстѣ и политическаго эгоизма, должно преиспн, и наснаенъ царство религіознаго чувства. *Ансильонъ* не нанесъ еще сего удара и, можетъ быть, не будетъ имѣть на то силы. Онъ не великъ въ сравненіи съ Монтескѣ и не чудо для первоклассныхъ умовъ Германіи; но, разсматриваемый самъ въ себѣ, онъ достоинъ чтенія всей Европы, и тѣмъ болѣе насъ Русскихъ, не сведшихъ еще дружескаго знакомства ни съ категоріями Канта, ни съ потенціями Фихте.

Представляя счастливое равновѣсіе воображенія и чувства, ума и смысла, расчепливости и энтузіазма, *Ансильонъ*, можетъ быть, къ ущербу собственной славы, не обнаруживаетъ въ себѣ опредѣленнаго

авторскаго пемперамента. Немногіе любятъ злую, средину. Можетъ быть, онъ теряетъ много, предъ лицомъ ученаго пытливаго свѣта, опъ свѣплоспи идей, опъ прозрачности символовъ, ихъ облекающихъ; ибо, каждый профанъ, заглядывающій въ него, видя дно, смѣло заключаетъ, что источникъ его мыслей не глубокъ. Но знающіе прозрачность Невскихъ водъ не увлекутся симъ оптическимъ обманомъ мнимаго мыководія.

Новый предложенный имъ *Опытъ* естъ новое подтвержденіе сихъ общихъ положеній о духѣ и характерѣ его философствованія. Онъ состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ статей или разсужденій. Первая статья содержитъ въ себѣ общее вступленіе. Здѣсь *Ансильонъ* обобщаетъ главные рѣшенія великой задачи Философіи, кои были даваемы, другъ за другомъ, великими мыслителями всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Свои собственныя начала излагаетъ онъ въ слѣдующихъ *четырехъ* статьяхъ: о философической вѣрѣ, о философическомъ виденіи, о религии и о нравственной свободѣ. Весь *Опытъ* заключается разсужденіемъ: о стремленіи къ Безконечному. Это болѣе прибавленіе, чѣмъ существенная часть всего сочиненія, которое представляе въ себѣ внутреннюю органическую связь и цѣлостъ. Оно столь занимательно по своему изложенію, что Русскій переводъ его былъ бы драгоценнымъ подаркомъ для нашей скудной философической Литературы а).

Не пускаясь въ подробное изложеніе началъ и мнѣній автора, уже извѣстныхъ опчасти изъ прежнихъ

а) Статья сія переведена и напечатается въ слѣдующихъ книжкахъ *Телескопа*. Изд.

его сочинений, мы осмѣливаемся произнести о наспо-
ящемъ *Опытъ* его слѣдующее мнѣніе. *Введеніе* его пре-
восходно, по ясному, почному и вѣрному изложенію
новыхъ философическихъ системъ, и можетъ служишь
образцемъ философическаго краснорѣчія. Въ самомъ
началѣ уже видѣнъ духъ Автора, который прямо и
склоняется на сторону Платона. Снапья о *филосо-
фическомъ введеніи* вся посвящена на изысканіе на-
чалъ *введенія*—основанія, точки оппавленія и конца
философическихъ изысканій. Оппроверженіе началъ лож-
ныхъ въ семъ оппощеніи—превосходно. Чпо жъ ка-
сается до его собственнаго начала, то оно, сперва
будучи вѣрно, развивается въ послѣдствіи способомъ
неудовлетворительнымъ и непоняпнымъ. » *Сознаніе
насъ самихъ* непосредственно соединено съ *сознаніемъ
міра внѣшняго*« эпо правда: но какое оппощеніе
находится между нами и *міромъ внѣшнимъ*, между
тѣмъ, чпо *я*, и тѣмъ, чпо *не я*? Такъ ли онъ опп-
носятся другъ къ другу, какъ положительное къ опп-
рицательному, какъ $+$ къ $-$? Если такъ, то оппоще-
ніе, которое должно бышь между ними $= 0$:
но, въ шакомъ случаѣ, для чегожъ было оппро-
вергать Шеллинга, который, все многообразное
приводя въ уравненіе, находить, чпо синтезисъ бытія,
подобно уравненіямъ высшихъ счисленій, дѣлается
 $= 0$? Еслижъ *я* и *не я* оппносятся другъ къ другу, какъ
положительное къ положительному, чпо, кажется, *Ан-
сильонъ* и допускаеть, чпо синтезисъ обонхъ $= я$, то
есль: міръ и человекъ, совокупно взятые, соспав-
ляютъ конечное, цѣлое ограниченное, изъ котораго
никакимъ образомъ не извлекается ни идея Безконеч-
наго, ни нравственная свобода, ни безсмертіе. Если
по и другое опприцательно; то выдепъ, чпо человекъ
и міръ сущъ явленія, не имѣющія ничего положицель-

наго, ничего вещественнаго—и вошъ бездна скептицизма ! Оспавляя формальное опношеніе нашего *я* къ *не я*, спросимъ, какой предикашъ можешъ имѣшъ *не я*, если ни положишельный, ни отрицательный ! Чѣмъ можешъ бышъ опредѣлено *не я*, когда нѣшъ ничего извѣснаго въ акшъ сознанія, кромѣ *я*? Какимъ образомъ возможно опношеніе существенное, когда *я* и *не я* не имѣютъ ничего общаго, ничѣмъ прешьимъ не соединяются ? Въ семъ случаѣ Кантовъ идеализмъ неизбѣженъ и міръ дѣлается $\equiv x$. Но пусть это будетъ принято: сей *x* поставивъ по одну, а наше *я* по другую сторону знака равенства, получимъ $x \equiv я$; следовательно, міръ, сей хаосъ невидимый и неустроенный, дѣлается извѣстнымъ во *мнѣ*, то есть : *я* субъективное, отражающееся въ семъ безвѣстномъ хаосѣ, зиждешъ весь чинъ мірозданія; и посему весь міръ извѣстный, устроенный, есть могущественное построение нашего *я*, или лучше, законы нашего *я*, раскинутые въ неизмѣримомъ вещественномъ пространствѣ и времени; вѣкъ нашъ находящемся—вошъ Фихтевъ трансцендентализмъ ! Можно сказать, что проблема опношенія между *я* (субъектомъ) и *не я* (объектомъ) еще не повершена ; Шеллингова же рѣшеніе не избѣжно по пону, заданному Кантомъ Философіи. И доколѣ не найдутъ для Философіи другой почки оппавления, кромѣ сознанія себя и міра, до шѣхъ поръ теорія абсолютнаго нуля будетъ играть важную роль въ ея обласши. Но кто не чувствуетъ, что сія теорія испровергаетъ всѣ наши надежды, разрушаетъ всѣ успѣнные наши препараты?... Спавшья *объ. религии* содержишъ въ себѣ много Платоническаго и радующаго душу. *Аксиомы*, богатый чувствительностью, но скудный формальными способностями,

бросилъ здѣсь свою любимую формулу сознанія и обратился къ другому возвышеннѣйшему началу. Это есть чувство нравственной свободы, и вмѣстѣ съ нею безсмертія и божественной личности. Такимъ образомъ, попавши въ свою стихію, въ океанъ безпредѣльнаго, воспорженно, на всѣхъ парусахъ, лепнишь онъ на воспоукъ человѣческихъ надеждъ и радованія. Окрыляемый крошкѣмъ вліяніемъ религіознаго вдохновенія, онъ созерцаетъ предъ собой океанъ бытія, освѣщаемый незаходящимъ солнцемъ Предвѣчнаго. Выступивъ изъ своего сознанія, онъ совершенно теряетъ его въ поэтически-религіозномъ одушевленіи. Слѣдствіемъ сего должно быть заключеніе, что всякой мыслитель долженъ опираться съ своей собственной почвы сполнія на землѣ, а не приковывать себя къ математическимъ формуламъ, которыя не для всѣхъ и не во время имѣютъ очевидность. Чувство нравственной свободы и упованіе безсмертія не должно связываться сими тяжкими узами цепетильнаго смысла. Пуснъ математикъ необозримую вселенную измѣрять циркулемъ, поэтъ фантазіей, философъ умомъ: но никто да не претраждаетъ человѣку обнимать еевсеобидимъ чувствомъ, Христіанину—вѣрой и упованіемъ! (Ю. М.)

VII.

АНГЛІЙСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ произведеній Англійской богатой чудесами промышленности составляютъ Журналы. Правильнѣе всего, не совсѣмъ расположенное къ сей, не въ одномъ только коммерче-

скомъ отношеніи , важной опрасли гражданской дѣятельности; спаралось всегда ослаблять ея силу , обременяя налогами. Но Англійская Журналистика выноситъ сіе опягощеніе съ изумительною швердостію; и не смопря ни на что , произведенія ея не только ежедневно умножаются , но и распроспраняются съ большею быспротою. Журналы плащашъ коронѣ пошлныи $4\frac{1}{2}$ пенса за каждый листъ и 3 циллинга 6 пенсовъ за каждое объявленіе; и между нѣмъ въ Лондонѣ существуесть семь упренныхъ и шестъ вечернихъ ежедневно появляющихся газетъ , множество выходящихъ при раза въ недѣлю и несмынное число еженедѣльных липературныхъ , политическихъ и всякихъ баламупныхъ листковъ.

Изъ всѣхъ нихъ *Times* естъ газеша наиболѣе распроспраненная , пользующаяся обширнѣйшимъ уваженіемъ и издаваемая съ наибольшимъ искусствомъ. Газеша сія основана книгопродавцемъ Вальшеромъ , весьма умнымъ и дѣловымъ человекомъ , опцемъ нынѣшняго ея хозяина. Управление ея находится въ рукахъ Коммисіи , учрежденной хозяевами. Редакція поручена двумъ довѣреннымъ особамъ. Это люди весьма способные и образованные; впрочемъ они не имѣютъ въ липературномъ свѣтѣ никакого имени; и потому не нужно здѣсь называть ихъ. Одинъ изъ сихъ редакторовъ подчиненъ другому. Кромѣ того , множество сопридниковъ доставляютъ текущія спашы , каждый по своей часни , и получають опредѣленное жалованье. Строгое храненіе шайнъ редакціи и значительная плаща обезпечивають для газешы правильное полученіе хорошихъ спашей; ея огромный капиталъ и щедрость на издержки доставляютъ ей опскуду дневныи новоспи со всевозможной скороспью,

а съ другой стороны, по причинѣ ея обширнаго вліянія и связей съ первыми государственными людьми, самыя вѣрныя политическія извѣстія приходятъ къ ней также очень скоро. Есть люди, которые ставятъ ей въ вину, что она очень переметчива и не имѣетъ никакихъ началъ; но въ этомъ очень ошибаются: ея начало есть поддержаніе своего бытія и она очень крѣпко за него держится. Листокъ этотъ есть чистая спекуляція; онъ не зависитъ ни отъ какихъ политическихъ партій; его единственная цѣль есть прибыль.

Отсюда не удивительно, что газета сія часто медлитъ подавать свой голосъ; но когда наконецъ разрѣшаетъ сіе молчаніе, то раздражается громовыми ударами. Для вліянія Министерскаго и даже для воли самой первой особы въ Королевствѣ, она глуха и неумолима; правительство не можетъ ничѣмъ подкупить ее. Во времена революціи, она всегда проповѣдывала войну съ Франціей, какъ во время республики, такъ и при Наполеонѣ; и языкъ ея въ семъ случаѣ оплечался силою и спрасію. Не должно однако забывать, что она при семъ была не болѣе, какъ вѣрный органъ спрасей и мнѣній Англійскаго народа. Королева Каролина обязана была участію, съ коимъ газета сія вступилась за нее, тѣмъ, что неудовольствіе народа обнаружилось въ ея пользу; и, судя по тогдашнимъ отношеніямъ, можно утвердительно сказать, что участіе сіе было искреннее и основывалось на внутренней увѣренности ея въ правотѣ дѣла, а не на корысти. Она защищала Министерство Каннинга, и припомъ не только во время его жизни, но до самыхъ пѣхъ поръ, какъ кормило правленія перешло къ Герцогу Веллингтону. Но особенно была она орга-

номъ Лорда Ландсдоуна и Витговъ. Томасъ Муръ, искренній другъ Ландсдоуна, считающійся сочинителемъ многихъ прозаическихъ и поэтическихъ спатей, помѣщавшихся въ *Times*, кажется, былъ посредникомъ этого союза.

Изданіе сей газетъ колеблется между шестью и семью тысячами экземпляровъ; впрочемъ прибыль Англійскихъ газетъ зависитъ не столько отъ числа подписчиковъ, сколько отъ объявленій, въ нихъ помѣщаемыхъ. Издержки упренней газетъ неимоверны, разумѣя однѣ только издержки редакціи, не считая бумаги, набора и печати. Кромѣ двухъ главныхъ редакторовъ и обыкновенныхъ сотрудниковъ, конъ всѣ получаютъ большее жалованье, *Times* имѣетъ при себѣ отъ двенадцати до четырнадцати редакторовъ Парламентскихъ рѣчей и преній, коимъ платится ежемѣсячно по двадцати гиней. И дѣйствительно они заслуживаютъ такую плату; ибо должны быть не только люди образованные и коротко знакомые съ Парламентскими дѣлами, но еще имѣть особенныя качества, которыя пріобрѣтаются только долговременнымъ упражненіемъ и навыкомъ. Имъ надобно умѣть поспѣвать за быстрымъ потокомъ мыслей инаго рѣчнаго говоруна и извлекать одно существенное изъ запутанныхъ рѣчей другаго широкоушатаго краснорѣчиваго; они должны имѣть навыкъ писать бѣгло и при томъ различными стилими, дабы выражать прилично характеръ каждаго изъ говорящихъ. Иному покажется странно, что въ Лондонѣ частно стараются унижать талантъ и званіе подобнаго редактора; это происходитъ весьма естественное отъ двухъ причинъ: во первыхъ отъ инаго недоброжелательства къ ихъ талантамъ и вліянію; во вто-

рыхъ же опъ того , что многіе добряки , любящіе побесѣдовать внупри и въ Парламентѣ, чувствуютъ себя оскорбленными , если рѣчи ихъ не найдутъ никакой милосіи предъ лицомъ редактора и онъ будетъ имѣть дерзость подумать, что не стоитъ труда докучать ими публикѣ. Члены Англійскаго Парламента съ перваго взгляда опмичаются опъ Французскихъ Депутатовъ. Народные ораторы , коихъ рѣчи читаются въ Журналахъ, съ наиспрожайшею почтностію , во всю длину свою , послушаютъ такъ, какъ будто бы совсѣмъ не думали о спенографахъ и какъ будто для нихъ не имѣетъ никакой важности то, будутъ ли ихъ рѣчи переданы публикѣ, или нѣтъ; но это не что иное, какъ смѣшное припворопво. Членъ Парламента, который, по утру за чаемъ , находитъ заключеннымъ въ пяши спрокахъ то , о чемъ онъ въ прошедшую ночь говорилъ длинную рѣчь цѣлые два часа, заслуживаетъ гораздо болѣе извиненія, если обвиняетъ Журналъ въ недоброхоменіи и приспраспін, чѣмъ народный Ораторъ, который бываетъ обязанъ своею славою и вліяніемъ сполько же газетамъ, сколько собственному своему таланту. Поведеніе Нижней Палаты въ семъ отношеніи предспавляетъ удивительное противорѣчіе очевидности и здравому смыслу. Въ силу спародавнаго постановленія, считается оскорбленіемъ Палаты, если пренія ея будутъ обнародованы; и посему, дабы сіе постановление и доспоніе Палаты оспавались неприкосновенными, спенографы не признаются ея формально въ семъ качестве, а какъ будто терпяся только по спнсхожденію, такъ что должны бываютъ исполнять свое спудное и важное дѣло, съ величайшимъ неудобствомъ, въ нѣспотѣ, посреди шолны, наполняющей несомынее про-

спранство, предоставляемое публикѣ. Шарлатанство и кокетство палаты на эпопѣ счесть жалко до высочайшей степени. Если какой нибудь членъ намекаетъ на присутствіе спенографовъ или публики, то Орапоръ оспанавливаетъ его немедленно, говоря: «Палата при своихъ разсужденіяхъ не знаетъ ничего о присутствіи постороннихъ.» Но если будетъ замѣчено, что редакторъ или другій посторонній садится на первомъ ряду скамеекъ въ публичной галлерей, чтобы записывать; то Орапоръ, съ пренебрегою важностію, приказываетъ швейцару, привести въ порядокъ галлерей. Такое глупое припворство достойно ли собранія мудрыхъ мужей? Но это все входитъ въ систему шарлатанства, которая весьма распространена въ Англіи, подъ именемъ *канта* (cant). Эпопѣ *кантъ* существуетъ не только въ Парламентѣ, но и во всей націи; онъ бываетъ: *кантъ* релігіозный, *кантъ* нравственный, *кантъ* свободы и пр. д. Можно еще указать другое основаніе, по которому Палата отказывается такъ упорно признать существованіе спенографовъ и дать имъ хотя малѣйшую удобность для исправленія своего дѣла; это—тайная ненависть привилегированныхъ людей къ свободѣ періодическаго книгопечатанія и ея могущественному вліянію, для кошорой *кантъ* привилегіи парламентской служишь только предлогомъ. Кромѣ сихъ редакторовъ, есть еще другой обширѣйшій классъ сотрудниковъ для журналовъ. Именно, отъ семидесяти до ста лицъ употребляется на собраніе извѣстій о дѣлахъ, производящихся въ Управахъ Благочинія и на Съѣзжихъ Домахъ о пресниупленіяхъ и несчастныхъ случаяхъ, коротко сказать: о всемъ, что случается необычайнаго въ ежедневной жизни, о всемъ, что можно преувеличить, изу-

красить, парадить въ спрашную одежду, сообразно національному вкусу чудака *Джона Булля*. а). Ничто не ускользаетъ отъ нихъ; это настоящіе Аргусы; иногда, если время слишкомъ поще на приключенія, они прибѣгаютъ къ помощи своего воображенія, чтобы пославить пребывающее количество смертоубійствъ, самоубійствъ, кражъ и пожаровъ; но спрашная извѣстность—что, ежели, паче чаянія, проказы ихъ обнаружатся и они будутъ изобличены во лжи, довѣренность къ нимъ должна погибнуть на вѣки—обуздываетъ ихъ изобрѣтательность и содержитъ въ приличныхъ границахъ. Такъ-то составляетъ эта огромная масса спранныхъ и чудныхъ исторій, полуиспанныхъ и полуживыхъ, коими Англійскіе публичные листы питаютъ лакомство Джона Булля. Само собою разумѣется, что все это относится не къ одному *Times*, а ко всѣмъ газетамъ, изъ которыхъ переберемъ еще нѣкоторые.

Morning-Chronicle была долгое время органомъ Вигговъ и главнымъ магазиномъ ихъ мнѣній или даже всего духа ихъ партіи. Если въ Брукс-Клубѣ или у Лорда Голанда выривалось какое нибудь острое слово, какая нибудь ѣдкая, острая эпитаграмма, то на другой день всякой навѣрное могъ читать ее въ *Morning-Chronicle*. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, Перрей былъ ея издателемъ и хозяиномъ. Человѣкъ эпопъ, совершенный пешиметръ по своей фигурѣ и ухваткамъ, жилъ въ сердечной увѣренности о себѣ, что онъ полиптикъ и ученый перваго ранга, сколь ни мало значило въ самомъ дѣлѣ его образованіе. Между нѣмъ газетасія, во время Перрея, была издаваема всегда со вкусомъ, умненьемъ и строгою полиптической единослѣдственностію.

(*) Народное прозвище Англійскаго народа.

Теперь редакторомъ ся Докторъ Блакъ, человекъ съ большими талантами и обширными свѣдѣніями, но наслождій Шотландскій Философъ, у котораго достиженіе смысла только на одну вещь, именно на государственное хозяйство. И дѣйствительно всѣ статьи его о семъ предметѣ весьма удачны. Между тѣмъ, не для однихъ только Политическихъ Экономовъ, но также для Реформаторовъ и Философовъ *Morning-Chronicle* служилъ мѣстомъ боя. Злоупотребленія въ дѣлахъ Церковныхъ; корыстолюбіе и любоначаліе, въ конхъ духовные господствующей Церкви и какъ священнослужители и какъ граждане; часто оказывающія виновными, спародавнее варварство Англійскаго Законоустройство, варварство, конитъ каждый постигнулъ, но котораго никто не ошваживается спрянутъ по расчетамъ своекорыстія; смѣшное опроверженіе оныхъ всего новаго; ложная мудрость, превозносящая опытъ и рабствующая предъ авторитетомъ, всѣ же умозрѣнія провозглашающая нелѣпыми химерами; ша пиранская власшь предразсудковъ, о которую споникаешься на каждомъ шагу въ Англіи; *капитъ* во всѣхъ своихъ формахъ; всѣ злоупотребленія, всѣ заблужденія, всѣ спранныости — преслѣдуемая въ ней безъ умолку и не рѣдко съ талантомъ и безъ всякаго предубѣжденія; но не въ Лондонскомъ публичномъ листкѣ должно искать основательныхъ разсужденій о подобныхъ вещахъ; по крайней мѣрѣ оны издаются здѣсь всегда гораздо легче и какъ можно больше народнымъ снхлемъ. Теперь *Morning-Chronicle* уже не есть органъ Вигговъ; если она выражается иногда съ силою, то это принадлежитъ числу одному Доктору Блаку; а онъ ни какой партия. Напрасно спали бы искать теперь въ ней прежнихъ колкихъ

выходокъ, остроумныхъ шутокъ въ стихахъ и прозѣ, забавнаго передразниванья обычаевъ и нарѣчій госпитальныхъ. Но это еще не самое худшее: кромѣ вышеупомянутыхъ длинныхъ статей, Докшоръ Блэкъ, кажется, ни о чемъ не заботился; и потому газетная наполняется обыкновенно самыми пошлыми пустяками, описаніями преступленій, въ конхъ ужасъ восходитъ до омерзѣнія, опшврапительными кулачными боями, правлями собакъ, обезьянъ, пѣлуховъ и крысъ; корешко сказанъ, всѣми шѣми вещами, которыя шѣтапѣ самую низкую чернь; и сн, скарелмы сцены представляющъ не рѣдко въ лицахъ, приложеніемъ лубочныхъ картинокъ, кои вполне достойны своихъ предметовъ. Сверхъ того, ни въ одномъ публичномъ листкѣ не находимся въ большемъ количествѣ безстыдныхъ похвалъ, которыя шарлапаны всѣхъ родовъ, спекулянты, аукціонеры, зубные лѣкаря, театральные Директоры, и имъ подобные, обыкновенно помѣщаютъ о себѣ въ газеткахъ. Только въ одномъ опношеніи, и при томъ весьма важномъ, *Morning-Chronicle* сохраняетъ свою прежнюю высокую славу, и именно—въ извѣстіяхъ о Парламентскихъ преніяхъ. Здѣсь она достойно состязается съ *Times*: проворство редакціи, скорость набора и художественное достоинство механизма печати, въ общихъ, доведены до равно удивительной степени совершенства.

Опредѣливъ, какой цвѣтъ и характеръ имѣетъ газета, называемая *Morning-Herald*, едва ли возможно. Она, точно также какъ и *Times*, есть чистая спекуляція; только изданіе ея производится съ меньшею ошмориприятельностію. Равноутро независима она отъ всякаго вліянія парій и правительства и хлопочетъ только о благосклонности публики; но

эту публику составляет для ней самая низшая толпа, къ коей одной и спарается она подмещаться. *Times* имѣетъ свою систему и свои собствѣнные мнѣнія; *Morning-Herald* не имѣетъ напропавъ ни шого, ни другаго: его столбцы открыты безпретѣсивно и Торисамъ и Вигамъ, и Радикаламъ и Оранжешамъ, и Протестантамъ и Католикамъ; онъ сколько безприсраспенъ, сколько можетъ быть шаковымъ чистый спекулянтъ и барышникъ. Ошличительный характеръ сего листка есть ошкрытое, безъ всякихъ фасоновъ, невѣжество. Если слушать его, то образованіе есть не болѣе, какъ пошеря времени и денегъ, а чтеніе—дурная привычка, которая забиваетъ голову и дѣлаетъ неспособною къ дѣлу. Многія шаши его о полиптикѣ, лишерашурѣ и искусстввахъ, представляють такое необыкновенное смѣшеніе грубѣйшаго невѣжества и естественнаго смысла и оспроумія, что на нихъ не лѣзя довольно надивнисься. Подобно *Morning-Chronicle*, онъ поспавляетъ аккурапно слѣдующее количество покражъ, смертоубійствъ, кулачныхъ боевъ и другихъ подобныхъ приключеній, занимается своими чинапелей самыми вѣрными, точными и замысловатыми изображеніями пресупленій, рвчей и характера воровъ и подозрительныхъ женщинъ, являющихся въ Управахъ Благочинія. Подѣ сихъ ошврашительныхъ или забавныхъ фигуръ, красующся описанія пирушекъ, народныхъ сборищъ, баловъ, городскія смѣшныя о дворѣ и изъ моднаго круга, въ шоржественномъ, высокопарномъ стихѣ хроникъ. *Morning-Herald* имѣетъ у себя очень много подписчиковъ: болѣе чѣмъ *Morning-Chronicle*, но гораздо менѣе, чѣмъ *Times*; эшо всяма швердая и надежная спекуляція. Сколь ни часто упрекають сго въ безвкуси, невѣжество и прошиво-

рвчлхъ, и сколь это ни очевидно въ самомъ дѣлѣ, онъ идееть смѣло на проломъ, вопреки всему. Чернь находитъ въ немъ сытную пищу, по своему вкусу и желудку; да и люди высшаго сословія заглядываютъ иногда въ него почто также, какъ заходятъ въ балаганъ на рынокъ, или смотрятъ, какъ задаютъ кормъ лву.

Изъ утреннихъ газетъ упоминаетъ еще о *Morning-Post*. Она сражается съ сильнымъ и часно смѣшною запальчивостію, но за то съ послѣдовательностію и увѣренностію, за Торисовъ и за школу Пиппа. Ее читаютъ преимущественно, какъ Модный Журналъ; и она имѣетъ особенную прелесть для людей полуобразованныхъ, иншересующихся всѣмъ-пѣмъ, что дѣлается въ гостинныхъ и въ переднихъ, между камердинерами, лакеями и горничными Англійскаго дворянства.

Между газетами вечерними преимущественное вниманіе обращаетъ на себя *Courier*. Въ отношеніи къ независимости и достовѣрности, сія газета пользуется не совсемъ добрымъ славомъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ лишь, она была полуофициальною газетою Двора и Министерства и посему слыла естественнымъ органомъ Правительства. Ея не слишкомъ чистая добросовѣстность, зависящая ни отъ людей, ни отъ обществальствъ, и подозрѣніе, что она предава биржевымъ спекуляціямъ, съ самаго начала подвергли предосужденію нравственный ея характеръ. Но свой истинный цвѣтъ получила она отъ перваго своего редактора Сприша. Это былъ человекъ, сочиненный для иного, чѣмъ быть издателемъ придворной газеты; изъ за сплотовъ вельможъ приносилъ онъ домой важныя минны; умѣлъ давать всему приличный видъ; и мастерски владѣлъ кривымъ,

ТЕЛЕСК. Ч. II.

подслащеннымъ языкомъ, когда рѣчь шла о Духовенствѣ, Лордахъ и Придворномъ Чинопочинѣ. Впрочемъ листокъ сей при немъ писанъ былъ живо, остроумно, запѣливо, и какъ Лейб-Журналъ Министерства, имѣлъ по важное преимущество, что получалъ новости, скорыя и свѣжія, изъ самаго источника, почему и имѣлъ великое множество подписчиковъ. Назадъ по-мѣнѣ нѣсколько лѣтъ, Спритъ удаленъ отъ редакціи *Courier* и Мюдфордъ, человекъ съ отличными талантами, принялъ ее на себя, не измѣнивъ однако ни сколько духа газеты. *Courier* остался, какъ и прежде, весьма остроумнымъ и не очень добросовѣстнымъ; по прежнему продолжалъ переплѣсываться вокругъ лицъ, оспаривая при старомъ привычку — сражаться шуутками вмѣсто доводовъ, и осмѣливать своихъ противниковъ, вмѣсто того, чтобы опровергать ихъ; по прежнему клалъ земные поклоны передъ примѣрнымъ благочестіемъ Епископовъ Англиканской церкви и передъ непорочною чистотою Аристократіи и Министерства; но между тѣмъ сдѣлался гораздо остроумнѣе и принялъ лучший тонъ, обнаруживалъ не рѣдко виды истинно свободные и благонамѣренные, обсуживалъ отношенія справедливѣе и съ высшей точки зрѣнія; и, какъ скоро духъ партіи и политика не вмѣшивались въ дѣло, его личности были замысловатѣе и удачнѣе, остроумны похвалѣ. Когда Каннингъ принялъ кормило правленія и произошелъ расколъ между нимъ и товарищами его изъ партіи Торисовъ, *Courier* увидѣлъ себя тѣмъ въ болѣе замѣшательствѣ, что надлежало ему рѣшиться немедленно между тѣмъ или другою стороною. Мюдфордъ спалъ за Каннинга; это оскорбило Торисовъ, которые оплѣлись отъ него; и, когда при Веллингтонѣ кормило перешло опять къ нимъ въ руки, Герцогъ не поза-

быть оптимистичен за то: онъ настаиваетъ, чтобы Мюдфордъ отказался отъ редакціи и уступилъ мѣсто оппозитору Спрингу, поставивъ это непремѣннымъ условіемъ, если *Courier* хотѣлъ сохранить покровительство Министрства.

Вечерняя газета *Globe* издается по началамъ либеральнымъ и очень много расходуется. Она занимается преимущественно внутренними государственными дѣлами, именно финансами и сельскимъ хозяйствомъ. Къ числу ея должно сказать, что она продолжила себя дорого, безъ всякаго шарлатанства и пронырства, однимъ поспомянутымъ, дѣятельностію и разсудительностію.

Въ воскресные дни, по утру, Лондонъ наводняется недѣльными Журналами. Изъ нихъ нѣкоторыя, весьма однако не многія, какъ Апеней, издаются со вкусомъ и талантомъ; но вообще это болѣзненные нарослы Англійской Журналистики. Въ пошлѣ они не что иное, какъ самая пошлая спекуляція, основывающая свои виды и расчеты на спрашивающихъ самыхъ низкихъ. Опившимся издателями или именными хозяевами ихъ обыкновенно бываютъ соломенные чучелы, бѣдняки безъ имени и совѣсти, подрывшіеся ежемесячно или ежегодно клясться и присягать, что они настоящіе хозяева журнала, и добровольно позволяющие публикѣ показывать себя, а судамъ запирашь въ тюрьму, между тѣмъ какъ истинные хозяева и редакторы остаются неизвѣстными. У дверей ихъ стоятъ ящики, которые, подобно львиной пасти въ Венеціи, принимаютъ безымянные извѣсты и объявленія.

Лондонская Журналистика есть гигантская спекуляція, расходующая богатыми сокровищами ума, занимающая множество рукъ и vorочающая безмѣрными

капиталами. Если подумать, что спекуляція составляет ея жизненное начало, то просвѣщеніе выигрывало бы чрезъ нее очень мало: но это будетъ весьма большая ошибка. Одна часть публичныхъ листовъ говоритъ постоянно здравому человѣческому смыслу, общему естественному чувству націи; другая неоспоримо барышничаетъ на счетъ народныхъ и религиозныхъ предразсудковъ: но слишкомъ горько бы было подумать, что умъ, истина, законность и человѣчество не одержатъ наконецъ побѣды. Собственно политическія матеріи, все, что касается до законоустройства, юстиціи, хода исполнительной власти, излагается въ главнѣйшихъ газетахъ съ паланшомъ, но совершенно практически, то есть, съ большою заботливостію о содержаніи, чѣмъ о стилѣ: это совсѣмъ не разсужденія полныя и связныя; а потому всѣ журнальныя замѣтки на этою счетъ не бываютъ ни обширны, ни искусно обработаны. Литературныя статьи, помещаемыя въ газетахъ, еще менѣе важны; и вообще литература предоставляется большою частію ежемѣсячнымъ и прехмѣсячнымъ періодическимъ изданіямъ. Объ изящныхъ искусствахъ онѣ совсѣмъ не радятъ или говорятъ безъ всякаго знанія дѣла; изъ этого бываютъ конечно исключенія, но вообще это совершенно справедливо. Извѣстія о драматическихъ представленіяхъ въ нихъ номѣщаются; что онѣ извѣстія весьма часто бываютъ неудачны, это легко понять, если подумать, что въ нихъ надобно бываетъ о представленіи, оканчивающемся въ 11 часовъ вечера, сказать что-нибудь такое, чего читатели спанутъ искашь и должны найти въ газетѣ по упру въ 6 часовъ, или еще ранѣе. Эта поспѣшность однако имѣетъ свои выгоды, шучю плакъ, какъ и невы-

годы; спатья пишется, пока впечатлѣніе еще совершенно свѣжо; и рецензентъ, имѣя очень мало времени, по неволѣ долженъ приниматься шопчасъ за дѣло и не останавливаться на общихъ мѣсплахъ и ничтожныхъ мѣлочахъ, которыя въ другомъ случаѣ весьма легко подвертываются ему подъ перо. Отсюда не рѣдко случается, что эти спашейки, набросанныя на скорую руку, весьма удаются и бывающъ очень хорошо написаны. М. В.

VIII.

НОВОСТИ НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— ПЕРЕВОДЪ СТИХОТВОРЕНІЯ Козлова на англійскій языкъ Томасомъ Муромъ. — Въ нынѣшнее десятилѣтіе преимущественно оказывается готовность иностранцевъ усвоивать себѣ произведенія нашихъ писателей, коими по справедливости мы гордимся. Исторія Государства Россійскаго переведена съ лестною для насъ поспѣшностію на многіе Европейскіе языки въ Венеціи — не говоря о ближайшихъ образованныхъ народахъ — она напечатана 1820 года, въ переводѣ Москвитини, черезъ два года послѣ появленія первыхъ помовъ ея въ Россіи. Не спашемъ говорить о Русской Анедотини Сеп-Мора, гдѣ онъ нещадно исковеркалъ самыя лучшіе и блистательнѣйшіе цвѣты нашего Парнасса. Нѣмцы много и хорошо перевели съ Русскаго и

въ прозѣ и въ стихахъ цѣлыми сочиненіями; это ближайшіе предшавители Европѣ нашего образованія. Боурингъ вѣрно передалъ на Англійскій языкъ со вкусомъ избранныя стихопворенія нашихъ Поэтовъ; но Т. Муръ, пѣвецъ Лалла-Руки, еще тѣснѣе соединилъ союзъ нашихъ Музъ съ Музами Альбіона, освятивъ будущіе пруды своихъ единоземцевъ собственнымъ переводомъ нѣкоторыхъ стихопвореній Русскихъ, въ числѣ коихъ съ удовольствіемъ находимъ переводъ (хотя и несовершенно вѣрный) *Вечерняго Звона* И. И. Козлова, какъ бы въ дань благодарности за прекрасное усвоеніе имъ нашей Литературъ его *Бессонницы*, *Романса* и нѣкоторыхъ *Ирландскихъ Мелодій* Англійскаго Анакреона. Сии переводы помѣщены въ послѣднемъ Парижскомъ изданіи всѣхъ сочиненій Т. Мура (а). Для насъ, Русскихъ лестно такое вниманіе—и чье же?—Поэма, знаменитаго во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ свѣта; и это тѣмъ пріятнѣе, что мы видимъ двухъ поэтовъ, взаимно усвоивающихъ своимъ родинамъ произведенія другъ друга. Для особъ, знакомыхъ съ Англійскимъ языкомъ, предшавляемъ здѣсь переводъ *Вечерняго Звона*—сего стихопворенія, которое дышетъ тихой гореспью слѣща ясно—видящаго. Вотъ онъ :

Those evening bells ! those evening bells !
 How many a tale their music tells ,
 Of youth, and home, and that nocet time ,
 When last J heard their soothing chime !

(*) Complete works of Th. Moore, in one vol. published by Galignani. Paris, 1829.

Those joyous hours are past away !
And many a heart that then was gay
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells !

And so't will be when I am gone,
That tunefyl peal will still ring on,
While other bards shall walk these dells,
And sing your praise, sweet evening bells !

Для сличенія выписываемъ сюда же подлинникъ :

Вечерній звонъ, вечерній звонъ !
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ:
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ проспаясь,
Тамъ слушала звонъ въ послѣдній разъ !

Уже не зрѣтъ мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ цеперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ !
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежатъ и мнѣ въ землѣ сырой !
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долину вѣтеръ разнесетъ ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣшь вечерній звонъ.

Читатели видятъ, что Муръ изъ *сестровъ* (шестероспишій) сдѣлалъ *кварти* (четвероспишій), и тѣмъ ослабилъ прелестъ подлинника, хотя и сохранилъ смыслъ его. Но, не смотря на это, какъ хорошо имъ

выражена основная мысль, пропикающая всю Элегию. Некоторые стихи переведены весьма верно, на прим:

And many a heart that then was gay
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells!

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ!

— УПАДОКЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ АНГЛИИ. — Въ продолженіе послѣднихъ тридцати шести лѣтъ, бывшихъ свидѣтелями славы *Вальтера Скотта*, *Лорда Байрона*, *Сутся*, *Кампбелля*, *Колериджа*, театръ Англійскій не произвелъ болѣе девяти порядочныхъ драматическихкихъ піесъ. *Тащи соху и Лжкарство отъ сердечныхъ недуговъ*, Мортона; *Наслѣдникъ*, *Колесо Счастія* и *Желтый Сундукъ*, Кольмана; *Брутъ*, Говарда Пейна; *Виргиній*, Кнауля; и *Бертранъ*, Мэлпурина — вопъ единственныя піесы, заслуживающія бытъ замѣченными.

Театры нынѣ пустуютъ: музыка, чтеніе, искусство, составляютъ наслажденіе хорошаго общества. Напрасно Лондонское народонаселеніе ежедневно возраспаетъ; народонаселеніе театровъ безпрестанно уменьшается. Всѣ находятъ, что гораздо пріятнѣе у себя дома чипать какое-нибудь *Revue*, чѣмъ выходить со двора, мѣнять часть своего обѣда, полочься вмѣстѣ съ наглою и неопріятною толпою, подвергаться плутовству мошенниковъ, спаленываться съ позорными женщинами, наполняющими обыкновенно корридоры Англійскихъ спектаклей, для того, чипобы

имѣть удовольствіе слушать декламацію плохихъ актеровъ и видѣть жанораму блестящихъ декораций, годныхъ для забавы дѣтей. Это оппчаянное положеніе Англійскихъ театровъ было недавно предметомъ юридическаго изслѣдованія, подѣ надзоромъ Великаго Канцлера Бруггтама, которое однако не имѣло никакого удовлетворительнаго слѣдствія. Вкусъ публики измѣнился: директоры театровъ раззоряются одинъ послѣ другаго; ихъ поочередныя банкротства показываютъ весьма явно невозможность возстановленія драматическаго искусства изъ глубокаго уничтоженія, въ которое оно поверглось.

Во Франціи, напротивъ, если директоры театровъ не болѣе счастливы, чѣмъ въ Лондонѣ, то они должны приписывать свое несчастіе не столько перемѣнчивости вкуса публики, сколько слишкомъ поспѣшному учрежденію новыхъ драматическихъ заведеній и чрезмѣрному жалованью, котораго требуютъ актеры. Ибо сумма доходовъ съ театровъ Парижскихъ, вмѣсто того чтобы уменьшаться, напротивъ безпрестанно возрастаетъ: въ 1815 она проспиралась до 5,060,000 фр.; а въ 1828 возвысилась до 6,441,000 фр. Но поелику учрежденіе новыхъ театровъ естественнo должно было раздѣлить сія доходы, то поему не удивительно, что доля, которая теперь достается на часть каждому изъ нихъ, не достаточна для покрытія ихъ относительныхъ издержекъ.

Вотъ любопытная сравнительная статистическая таблица доходовъ, полученныхъ различными Парижскими театрами, въ 1815 и 1828 годахъ:

ИМЕНА ТЕАТРОВЪ.	ДОХОДЫ 1815		ДОХОДЫ 1828	
	Ф.	С.	Ф.	С.
1. КОРОЛ. АКАДЕ- МІЯ МУЗЫКИ.	714,252	19	648,967	04
2. ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ. . .	861,488	43	594,147	07
3. КОМНЧЕСКАЯ ОПЕРА. . .	716,743	39	551,043	02
4. ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА. . .	184,848	73	. . .	.
5. ТЕАТРЪ ИТА- ЛІАНСКІЙ И АНГЛІЙСКІЙ. .			700,246	47
6. ОДЕОНЪ. . .	175,902	01	197,713	.
7. ТЕАТРЪ ВОДЕ- ВИЛЕЙ. . .	321,783	.	451,896	61
8. ТЕАТРЪ КО- РОЛЕВЫ. . .	. . .	.	787,139	76
9. ТЕАТРЪ НО- ВОСТЕЙ. . .	. . .	.	376,201	98
10. ТЕАТРЪ ВСЯ- КОЙ ВСЯЧИНЫ	661,917	52	477,521	.
11. ТЕАТРЪ ВЕ- СЕЛОСТИ. . .	342,509	42	448,393	99
12. ТЕАТРЪ КО- МНЧЕСКОЙ ДВУ- СМЫСЛЕННОСТИ	363,040	16	242,976	91
13. ТЕАТРЪ У СЕН- МАРШЕНСКИХЪ ВОРОШЪ. . .	502,838	13	349,854	78
14. ОЛИМПІЙСКІЙ ЦИРКЪ. . .	218,788	36	615,180	96
И ТОГО. .	5,065,111	3/4	6,441,282	53

IX.

КАРРИКАТУРЫ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

МОСКОВСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ. а)

XX

А между тѣмъ совѣтъ ученый
 Всѣ ждетъ; и ужъ согласенъ въ томъ,
 Что нѣтъ опасности въ больномъ.
 Предъ ними сползъ накрытъ зеленый,
 Въ срединѣ блюдо съ пирогомъ.
 Тамъ фаршъ съ селедкою солёной;
 Тутъ масло, водка, сыръ, икра,
 И хлѣба чуть что не гора.
 Они кругомъ пообходили,
 Поосмотрѣли, что тутъ есть;
 Единогласно присудили
 Анапомировать и съѣсть.
 П тѣжъ ихъ жалобы земныя:
 Тотъ тѣмъ, шопъ эпимъ нездоровъ.
 Ужъ видно свѣтъ псперь шаковъ:
 Всъ доктора у насъ больные,
 И всъ данписны безъ зубовъ.

а) Первая глава сей поэмы или повѣсти въ стихахъ, сочиненной Г. Ивелевымъ, печатается и немедленно выйдетъ въ свѣтъ. Изъ предлагаемыхъ отрывковъ можно видѣть, что Г. Ивелеву не достаетъ только знаменитѣйшаго имени, дабы поэма его, во всѣхъ отношеніяхъ, сравнилась съ знаменитѣйшими произведеніями нашей новѣйшей эпопеи. Изд.

XXII

Вотъ видите: Баронъ любезный
 Былъ новый Спернъ, коль Сперны есь.
 Онъ былъ рожденъ корзины плеснь
 Для дѣвъ Аркадіи прелестной,
 Жилъ въ вѣкъ злапой; и Богъ ужъ вѣсь,
 Какъ онъ попалъ въ нашъ вѣкъ желѣзный,
 Гдѣ вся работа: вѣсь, да пилъ.
 Онъ одного хотѣлъ—любить.
 И съ мыслью, полною мечтою,
 Съ душой, исполненной огня,
 Скучалъ онъ сердца пустою,
 Худѣлъ примѣпно день опъ дня.
 Задумчивый въ веселомъ кругѣ,
 Молчалъ на балы онъ вжалъ.
 Чего-то втайнѣ онъ искалъ:
 Искалъ цвѣтновъ на Русскомъ лугѣ,
 И весь лугъ Русскій браковалъ.

XXIII

«Тоска змѣя тебя подкоситъ»
 Я говорилъ ему давно:
 «Земля и небо неравно;
 «Кудажъ мечтой тебя заноситъ?»
 Онъ опивчалъ всегда одно:
 «Милъ скучно, сердце нищѣ проситъ.»
 Но онъ поэтъ, вотъ нѣсна вамъ:
 Онъ все то выскажетъ въ ней самъ.

Хоръ игривый, звучи!

Веселился, кружись,

Молодая толпа !
 Не пляшу, не вою !
 Руку бросьше мою !
 Я весь занялъ мечтой !

И сквозь зимній туманъ
 Все мнѣ чудится сонъ:
 Мнѣ смѣется мечта,
 Мнѣ мелькаетъ цвѣтокъ :
 Онъ спонитъ одинокъ ,
 Онъ пѣваетъ меня !

Налетѣи, бѣлый снѣгъ !
 Разыграйся, морозъ !
 Жаркій призракъ, оспынь !
 То пусыя мечты !
 Не растутъ тѣ цвѣты
 На родимыхъ поляхъ.

Изъ этой пѣсни мой чиншатель
 Легко замѣнитъ, что Баронъ
 Во вкусъ Геснера мечшатель ;
 Что онъ и жалокъ и смѣшонъ ;
 Что нашимъ миленькимъ дѣвицамъ ;
 Не знаетъ полной онъ цѣны ;
 Что мысли въ немъ прилѣплены
 Къ какимъ то свѣтлымъ небылицамъ
 Несуществующей страны.

XXVIII

Но третій часъ. Съ почтеньемъ къ тайнѣ,
 Хозяйка вышла. Врачъ замкнулъ

За нею дверь, подвинуть стулъ.
 Подавъ болѣзней описанье,
 Спрадалецъ руки пропянулъ
 Двоимъ для пульсонспыпанья
 И, глядя трепъему въ парикъ,
 Преважно высунуль языкъ.
 Пожавъ значительнo плечами,
 Врачи спешенно, на совѣтъ
 Уходящъ мърпыми шагами
 Въ уединенный кабинетъ.
 Баронъ, какъ слѣдуетъ мушкетъ,
 Не задрожалъ, не поблѣднѣлъ,
 Но опъ недуга между дѣлъ,
 Подствъ къ трепещущей кузинѣ,
 Спросилъ кошлепку и поѣлъ.

XXIX

Межъ тѣмъ кузина въ нетерпѣньи
 Мечтаетъ: какъ бы какъ нибудь
 Ей въ кабинетъ ихъ заглянуть?
 Легка, идетъ, какъ дуповенье,
 Не смѣя молвить, ни дохнутъ.
 Поднявъ личинку надъ замкомъ,
 Она глядитъ въ него пайкомъ.
 Одинъ, на креслахъ лежа, дремлетъ;
 Другой предъ зеркаломъ власы
 Гребенкой частною подъемлетъ
 Для ихъ порядка и красы;
 Спиною претѣй у камина;
 И всѣ толкуютъ: съ языкомъ
 Кпо медицинскимъ ихъ знакомъ?

Но врядъ ли, говорить кузипа,
Была та рѣчь ихъ о больномъ.

XXX

Но вопъ кузина отскочила,
И ужъ нѣ троиственный соборъ.
Идесть больной на приговоръ.
Таинственна ихъ думы сила,
Всепроницателенъ ихъ взоръ,
И судъ ихъ вѣрентъ, какъ могила.
Врачъ милый, всѣмъ знакомый намъ,
Приговорилъ его къ водамъ;
Другой—декоктомъ полѣчиться;
А третій—вѣрно холостой—
Приговорилъ его жениться.
Совѣтъ разумный и благой.
Баронъ задумался; но съ скуки
Врачи зашаркали: пора
Давно вамъ вѣхатъ, доктора!
По одиночку сжавъ или руки,
Больной ведетъ ихъ. . . но съ двора.

XXXI

Съ упря опиравленную въ ссылку,
Въ подвалъ запасливый на ледъ,
Слуга на встрѣчу имъ несетъ
Вина мятежнаго буылку.
Снимаетъ палець, пробка бьетъ,
Упавъ на длинную подспилку,
Дала скачекъ и на себя,
Вершинъ, капая V. C. P.

Бокалъ шумишь; вино играешь,
 И бьешь и въ голову и въ носъ;
 Хозяйка милая чихаетъ
 И докторъ пронулся до слезъ.
 Осушено. Ужъ быстро къ дому
 Колеса шумныя бѣгутъ,
 Врачи, раскланявшись, идутъ,
 Привѣпно вымолвивъ больному:
 » Wo gutes Ende, alles gut ! «

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатапіи представлены были
 въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
 Мая 13 дня, 1831.

Ценсоръ С. Аксаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Преложенія изъ Іова (<i>Θ. Глинки</i>).	24
Непригожей Матери (<i>Шевьрева</i>).	49
Спѣнь (<i>Ознобищина</i>).	74
Порывъ отспавнаго Гусара (<i>Хомякова</i>).	166
Прокаженный. Дума (<i>А. Б-ва</i>).	233
Памяти Боршнянскаго (<i>Трилутова</i>).	239
На сонъ грядущій (<i>Хомякова</i>).	311
Достоинство женщинъ, изъ <i>Шиллера</i>	351
Русскимъ Императорамъ, о необходимости составить Русскій Рюмаръ. (<i>С</i>).	382
Ночные Духи (<i>Н. Станкевича</i>).	470
Разсвѣтъ (<i>Ознобищина</i>).	511

ПРОЗА

Пребываніе Петра великаго въ Парижъ. (изъ записокъ <i>Г. Ришелье</i>).	3
Опрывокъ изъ Романа: <i>Удивительный Че-</i> <i>ловѣкъ</i> (<i>П. Л. Яковлева</i>).	31
Мщеніе. (Эпизодъ изъ <i>лѣтописей современ-</i> <i>ной жизни</i>).	75, 168, 313 и 474

НАУКИ

Свойство и происхожденіе заразы вообще и въ особенності холеры. (<i>А. Л. Ловец-</i> <i>каго</i>).	52, 235, 354 и 515
Телеск. Ч. II.	39

Египетскіе Зодіаки.	143
Историческія размышленія объ отноше- ніяхъ Польши къ Россіи (<i>М. П. Пого- дина</i>).	295

КРИТИКА

Русскія книги:

Пѣсни и Романсы, <i>А Мерзлякова</i>	86
Что такое хорошій тонъ? Сѣв. Амер. Ро- манъ, перев. <i>К. Масальскимъ</i>	93
Граубинденъ, или Берегъ Волшебницъ, соч. <i>Ганри Цюокке</i>	97
Дорошенко.	98
Чувствованіе Московскаго мѣщанина во время существованія эпидемической бо- лѣзни въ Москвѣ.	99
Опытъ Словаря древнихъ Славянскихъ словъ и реченій, сост. <i>А. Петровымъ</i>	100
Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, соч. <i>Берхольцъ</i> , изд. <i>Слепильмъ</i>	100
Спранцикъ. Сочиненіе <i>А. Вельтмана</i>	240
<i>Христиана Лодера</i> объ эпидеміи холеры въ Москвѣ.	245
Краткое наставленіе о холерѣ, <i>М. Муд- рова</i>	251
Краткое описаніе холеры, <i>А. Поля</i>	253
Сочиненія <i>А. Ватизитинова</i> . Ч. II, Проза.	383
Басни и Параболы <i>Н. Бенцакаго</i>	386
Басни <i>А. Зилова</i>	388
Дѣтскій Театръ. Соч. <i>Б. Оедорова</i>	389
Сокращеніе всеобщей Исторіи (<i>А. Преобра- женскаго</i>).	533
Бѣглець. Повѣсть въ стихахъ. Соч. <i>Вельт- мана</i>	539

Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи <i>Иерусалима</i> , пер. <i>Т. Крылова</i>	542
Осень. <i>Н. Шатрова</i>	544

Иностранныя книги:

Observations faites sur le cholera-morbus, dans le quartier de la Yakimanka, à Mos- cou, par <i>B. Zoubkoff</i>	253
Pensée sur le cholera-morbus, par <i>D. Mar-</i> <i>cus</i>	256
Etude de la langue Française en comparaison avec la langue Russe, par <i>H. Gay</i>	390
Betrachtungen über die Ursachen der Größe und des Verfalls der Spanischen Monarchie, von <i>Sempere</i> . Essai sur la science et sur la foi philosophi- que, par <i>Ancillon</i>	546

СОВРЕМЕННЫЯ ЛЬПОПИСИ:

Новое образованіе военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Опшпоманской Имперіи. 107 и 267	
Портретъ Бруттама.	127
Спаринное пророчество о Папахъ.	283
Римскіе праздники. (<i>Письмо изъ Рима</i>).	402
Захарія Вернеръ.	435
Современная хроника:	
Вандализмъ Парижанъ.	419
Состояніе женщинъ въ Греціи и Турціи.	424
Новоспи наукъ и искусствъ:	
Ропотъ на Парижскую Академію Наукъ.	434
Перечень замѣчательнѣйшихъ опусшо- шеній, произведенныхъ наводненіями.	135
Новый Французскій Журналъ въ Лондонъ.	138
Новыя картины <i>Горация Вернета</i>	292
Изверженіе Эпны.	293
Археологическія находки.	427

Случай, пробудившій чудный талантъ <i>Паганини</i>	428
Новый несгараемый снарядъ.	430
Переводъ стихотворенія Козлова на Англійскій языкъ <i>Томасомъ Муромъ</i>	567
Упадокъ шенпровъ въ Англіи.	570

ПРАВЫ

Каррикатуры. Опрывокъ изъ повѣсти: <i>Московскія минеральныя воды (Ие- лева)</i>	573
Ко второй части приложенъ портретъ <i>З. Вернера</i>	

RA
88